

Александр Николаев
КЛУБ ЧАСТНЫХ
РАССЛЕДОВАНИЙ
Сезон III

МЁРТВАЯ ЛУНА

*Мир не просто
существует, он ещё и
наполнен тайной.*

Освальд Шпенглер

1.

Июнь выдался на удивление жарким. При полном безветрии через день громыхали грозы, обрушая на город потоки воды. В такие минуты ливневая канализация не успевала направить мутные ручьи в подземные тоннели, проложенные под центральным проспектом, и булыжная мостовая в нижней его части нередко оказывалась под толстым слоем воды. На её поверхности, кружась в воронках над водостоками, плавали мусор, охапки соломы, мелкие ветки деревьев. Потом вода стекала в Днепр, неистовое солнце испаряло влагу, и тогда пот липкой испариной покрывал тело, солёными каплями сбегал по лицу, пятнами выступал на одежде.

Днём утомлённые жарой обитатели города старались не покидать свои жилища и места работы

без особой на то нужды. На опустевших улицах лишь изредка можно было увидеть медленно движущийся экипаж или фигуры людей, озабоченно прокладывающих путь среди луж да островков вязкой грязи. И только ближе к ночи слабый ветерок со стороны Днепра приносил долгожданное облегчение. Тогда оживали немногочисленные рестораны в центре города, а на бульваре появлялись любители вечернего моциона.

В один из таких вечеров из подъезда двухэтажного дома, стоявшего неподалёку от пересечения улицы Полицейской с Жандармской, там, где начиналась балка, стали выходить мужчины и женщины разного возраста: от совсем молодых до тех, к кому вот-вот должна была постучаться старость. По одежде и манере двигаться можно было предположить, что они относятся к небедной части городского населения. Всего их оказалось чуть меньше двадцати человек. Разбившись на небольшие группки, они тихо переговаривались, явно в ожидании кого-то.

Кто-то обратил внимание на необычно чистое небо, украшенное у горизонта огромным лунным диском, и какое-то время разговоры вертелись вокруг опостылевшей всем темы дождей, заливающих город, но постепенно они затихли, и люди стояли молча, погружившись в свои мысли.

Сумерки медленно скрадывали силуэты окрестных домов, в окнах которых стали загораться огни. Где-то в глубине балки надрывно лаял пёс. Временами его лай сменялся протяжным воем, и тогда кое-кто из женщин украдкой осенял себя крестом.

Вскоре на невысоком крыльце у входа в дом показался рослый мужчина лет тридцати. Он запер за собой дверь на ключ и повернулся лицом к толпе. Все замерли в ожидании. Стало слышно как где-то неподалёку струится не то ручей, не то небольшая речушка.

На аскетически худом, бледном лице мужчины, казалось, отдельной жизнью жили тёмные, почти чёрные, глаза. Не смотря на жару, на нём была костюмная тройка тёмно-серого цвета, белая рубашка и чёрный, небрежно завязанный галстук. Прямые светлые волосы, симметрично разделённые пробором, открывали высокий лоб, в живописном беспорядке ниспадали на плечи, делая лицо узким, словно лезвие топора.

Человек обвёл взглядом стоявших перед ним горожан, вынул из кармана пиджака мятый платок и, прижав его к губам, несколько раз глухо кашлянул:

— Братья и сёстры мои! — произнёс он негромко, но неожиданно властно и твёрдо. — Сегодня наступает тринадцатое полнолуние. То

самое, которое мы так долго ждали и к наступлению которого упорно готовили себя последнее время. Этой ночью Владычица ночи будет обладать наибольшей силой. Ещё немного и её лучи станут осязаемыми. Тогда на короткий миг они соединят наш суетный мир с Верхним миром, и мы должны быть готовы к этому.

Прошлой ночью мне снова было видение, в котором Владычица Ночи, сказал, что готова будет принять каждого из нас и обогатить Знанием, которое откроет нам тайну бытия и раскроет смысл нашего существования. Готовы ли вы к этому таинству, братья и сёстры?

В ответ на это из толпы раздались невнятные возгласы, дающие понять, что мужчины и женщины готовы принять участие в магическом обряде. Человек у входа в дом медленно поднял правую руку с зажатым в ладони предметом, похожим на хрустальный шар, и каждый из присутствующих бессознательно сосредоточил своё внимание на этом пятне, светлом на фоне приближающейся ночи:

— Я рад слышать, что прошлые двенадцать погружений не прошли для вас бесследно, — продолжил он всё тем же негромким властным голосом. — Прошу надеть ритуальные одежды, и пусть все медленно произнесут про себя сакральную мантру, посвящённую Владычице

Ночи. После этого мы опустимся в подземелье и на берегу Мёртвого потока совершим завершающее действие. И помните: чтобы не произошло — я с вами, мои братья и сёстры!

Последнюю фразу мужчина в костюмной паре почти выкрикнул, протянув руки, как-бы беря тем самым присутствующих под своё незримое покровительство. Даже в сгущающихся сумерках был виден безумный огонь, горевший в его глазах.

Дарья Никитина, не в силах противиться воле этого человека, достала из сумочки шёлковый плащ тёмно-синего цвета, по подолу которого и на рукавах были нашиты серебряные звёзды и полумесяцы, надела его на себя и набросила наголову капюшон. Ей было страшно от того, в чём она участвовала сейчас, от двух предыдущих таинств, но люди вокруг неё молча делали то, что приказал Мастер, и по ним трудно было определить, напуганы ли они так же как и она, или всё это просто следствие её слабой психики и воображения.

Мужчина на крыльце в отличие от остальных был одет в плащ голубого цвета, капюшон скрыл худое лицо, и только глаза в глубине накидки, казалось, излучали свет беспредельной власти.

— Я попрошу мужчин разобрать факелы, они в этом ларе, — жестом указал он на деревянный ящик, в котором обычно хранились дрова для печей

в доме.

Убедившись, что его приказ выполнен, Мастер сошёл с крыльца и направился к зарослям кустарника, в глубине которых слышался звук текущей воды. Люди нестройной колонной двинулись за ним.

Даша, прижав к груди дамскую сумочку, шла последней. Она невольно вдохнула его запах, когда Мастер проходил мимо. От этого привычно забилось сердце, сладкая истома родилась в груди и, опустившись, растаяла где-то в районе живота, бёдер. Исчезло чувство страха, вызванное происходящим, в голове, казалось, не осталось никаких мыслей, кроме желания следовать за Ним. И девушка молча шла за братьями и сёстрами к привычному месту в подземелье, где происходило таинство единения с умирающей и рождающейся заново Владычицей Ночи.

2.

Членом тайной ложи, которая носила пугающее название «Мёртвая Луна», Даша Никитина стала случайно. Начало этому было положено летом прошлого года, вскоре после того, как она лишилась отца. Ему ещё не было и пятидесяти, когда известный в городе адвокат, пребывая в суде, внезапно почувствовал себя дурно

и лишился сознания. В таком состоянии он и умер. Апоплексический удар — констатировал приехавший врач.

Мать Даши ушла из жизни три года назад вследствие быстротечного туберкулёза, и, таким образом, выпускница привилегированной гимназии для девиц благородного происхождения осталась совершенно одна. Сестра отца, приехавшая на похороны из далёкого Екатеринослава, предложила поселиться у неё, а дом в Москве временно сдать в аренду. Тётя была бездетной, обеспеченной дамой лет сорока. Она всегда хорошо относилась к Даше, и, подумав, девушка приняла идущее от чистого сердца предложение. Так она оказалась в быстро растущем городе на юге Российской империи, заложенном фаворитом императрицы на холмистом правом берегу огромной реки, несущей свои воды к далёкому морю.

Тётя имела каменный дом в центре города, где Даше на втором этаже была отведена просторная комната с балконом. К ней примыкала вторая, поменьше, служащая уютной спальней. Примечательным было то, что из спальни имелась дверь в коридор, откуда лестница вела к чёрному выходу. Дверь эта всегда была заперта, но горничная как-то показала Даше где хранятся все ключи, хотя надобности в них не было совершенно никакой.

Жизнь вскоре обрела размеренный характер и, если говорить откровенно, стала чуточку скучной. Знакомств на новом месте ещё не образовалось, и по этой причине чтение романов было единственным развлечением, которое хоть как-то скрашивало вялое течение бытия. Для Даши вошло в привычку сразу же после завтрака брать сумочку, зонтик и делать неспешную прогулку по Екатерининскому бульвару. Потом она выбирала свободную скамейку и принималась читать, погружаясь в волшебный мир, полный опасных приключений, ярких страстей и необыкновенной любви. А что может быть прекраснее томительного ожидания любви, когда тебе неполных восемнадцать лет!

Вздыхая, Даша откладывала в сторону книгу и затуманенным взором вглядывалась в дома напротив, представляя как когда-то и в её жизни появится такой же необыкновенный герой: мужественный, сильный, не похожий на окружающих мужчин. И ещё в нём непременно должна будет присутствовать некая тайна, в которую она будет посвящена. Он будет тем, кому она отдаст свою жизнь и самое себя, полностью, без остатка. При этих мыслях сладко сжималось сердце, беспричинно набегали слёзы и ещё смутно хотелось чего-то такого, о чём запретно было представить даже в мыслях.

В один из воскресных дней, когда время уже близилось к полудню, на той части бульвара, что вела к вершине холма, показался высокий молодой мужчина. Он был без головного убора, длинные светлые волосы живописно спадали до самых плеч, придавая идущему некий артистический облик. Тёмный костюм — тройка, белая рубашка с шейным платком, начищенные ботинки выдавали в нём человека обеспеченного, а выражение лица и манера держаться несколько отстранённо от окружающего мира — непростую организацию ума.

Заложив руки за спину, мужчина медленно шёл по тротуару, погружённый в свои мысли. Случайно оторвавшись в эту минуту от книги, Даша подняла голову, их взгляды встретились, и девушка ощутила как тонет в глубине этих чёрных глаз, как взволнованно забилось её сердце в ожидании чего-то необычного. Она сглотнула ком, образовавшийся в горле, и с трудом перевела дыхание.

Мужчина прошёл мимо, но затем замедлил шаг, повернулся и направился к ней. При этом он внимательно смотрел на девушку, и бесстрастное выражение его лица вскоре сменилось лёгкой улыбкой, с какой обыкновенно взрослые смотрят на беззаботно играющих детей.

— Добрый день, сударыня! — сказал мужчина, остановившись в трёх шагах от скамейки.

— Здравствуйте! — растерянно произнесла Даша.

— Простите, я могу разделить ваше одиночество? — продолжил он чуть хрипловатым голосом, отчётливо произнося каждое слово. — Если только вам, разумеется, не покажется нескромным предложение постороннего человека.

Незнакомец сопровождал свои слова плавными жестами правой руки. Его глаза, казалось, смотрели просто в душу девушки, она чувствовала как тает её воля в присутствии этого человека, и наставления тётушки о вреде случайных знакомств даже не всплыли в памяти.

— Да, — ответила она несколько растерянно, — вы можете присесть на скамейку... Но я ведь совершенно не знаю вас...

— Спасибо, сударыня, — ответил мужчина, садясь рядом, — не беда, что мы не знаем друг друга. Это легко можно исправить. Позвольте представиться: к вашим услугам Виктор Павлович Сикорцев — врач, практикую в области психиатрии. Говоря «к вашим услугам», я, разумеется, ни в коем случае не имел в виду область своих профессиональных интересов. А как, простите, зовут очаровательную барышню?

— Даша, — смущённо проговорила девушка, — барышню зовут Дарья Никитина.

— Рад знакомству, Даша, — ответил он, — не

стану скрывать, сегодняшний день для меня был наполнен скукой, но теперь совершенно ясно, что это была лишь прелюдия к знакомству с вами. Могу ли я узнать, чем вы занимаетесь?

Девушка не сразу нашлась с ответом: как-то не хотелось признаваться, что она живёт у тётки на правах, по сути, близкой родственницы, не более того. Впрочем, она никогда не задумывалась об этом.

— Я недавно переехала из Москвы в ваш город, — наконец решилась она, — живу у сестры отца. Чем заниматься дальше, ещё не решила.

— Вот как... И что же послужило причиной вашего переезда к нам из столицы?

— Месяц назад неожиданно скончался мой отец. В Москве родственников у меня нет, и тётка предложила переехать на время к ней сюда, в Город.

— О, простите мою бестактность! Я не мог даже предположить такое... Ещё раз прошу простить мне эту оплошность.

— Что вы, Виктор Павлович! Право же, не стоит извинений: откуда вам было знать о причине моего приезда в ваш город.

Они замолчали. Даше нужно было уходить, поскольку близилось время обеда, а тётка никогда не садилась за стол без племянницы, в которой души не чаяла. Она поднялась:

— Простите, но я должна идти: меня ждут дома.

Сикорский тоже поднялся. Он оказался на голову выше девушки.

— Не скрою, мне жаль расставаться с вами, Даша, — сказал он всё тем же чуть хрипловатым голосом, который обволакивал сознание, словно опийный дым свою жертву, как это было в одном из прочитанных ею недавно романов. — Но я могу надеяться на то, что увижу вас завтра?

— Да, — ответила девушка, удивляясь собственной смелости, — я почти каждый день бываю здесь, кроме тех разве, когда идёт дождь. Надеюсь, что приду и завтра, если, конечно, не случится что-нибудь из ряда вон выходящее.

— Буду также на это надеяться. И в котором часу вы обыкновенно гуляете?

— Как правило я прихожу сюда часам к десяти — одиннадцати.

— Вы не будете возражать, если я тоже приду в это время.

— Нет, — ответила она, чувствуя, как краска мимо воли заливает её лицо, — я не стану возражать.

— Спасибо за согласие! Но я хотел бы проводить вас домой? Если позволите...

— Не стоит, пожалуй. Тётушка не поощряет случайных знакомств, а тем более на улице.

— О, это её право! Ваша тётя определённо умна. Тогда до завтра, Даша.

— До завтра, Виктор Павлович, — ответила девушка.

Она не помнила, как оказалась у дома и только у себя в комнате осознала, что ей первый раз в жизни назначили свидание. Самое настоящее свидание, такое как это описывали книги. И она легко согласилась, не зная, кто этот человек и чем он занимается. Такие мелочные мысли даже не возникли в девичьей головке.

В ту ночь девушке долго не спалось. В мыслях она то и дело возвращалась к дневному эпизоду на бульваре, вспоминала глаза этого человека, улыбку, его манеру говорить, слегка жестикулируя правой рукой, от которой слегка расплывалось и туманилось сознание. За окном виднелся огромный диск луны, напоминавший женское лицо, словно застывшее в немом крике. Близились полнолуние. От призрачного света, заливавшего комнату, было как-то грустно и немного тревожно. Незаметно для себя Даша уснула.

На следующий день с утра пошёл дождь, который не прекращался до самого вечера, и свидание, увы, не состоялось. Девушка была расстроена, и это заметила даже тётушка. Пришлось сослаться на мигрень, и весь день провести, не выходя из комнаты, с книгой в руках.

Утром Даша проснулась от того, что в окно её спальни ярко светило солнце. На душе сразу стало как-то светло и радостно. Она прилежно выполнила всё, что входило в её утренние обязанности. Для этого нужно было привести себя в порядок, затем следовал завтрак с тётушкой, за которым состоялось обсуждение последних новостей из городских газет, потом она читала ей вслух несколько страниц из последнего романа Стендаля и только после этого можно было выйти на моцион.

В воздухе пахло свежестью после вчерашнего ливня. Над влажной мостовой курились едва заметные испарения. Немногочисленные прохожие оживляли городской пейзаж. Её скамейка, на которой девушка обычно погружалась в мир нездешних событий с раскрытой книгой в руках, была ещё влажной. Даша в замешательстве остановилась, раздумывая как быть. Часы на башенке соседнего дома показывали половину десятого. Тогда она решила пройтись вверх по аллее, чего раньше не делала.

По обе стороны проспекта высились каменные трёх-и четырёхэтажные дома. Чуть выше вправо и влево уходили улицы, также застроенные солидными особняками. Даша, раскрыв зонт, медленно шла вверх, разглядывая окрестности и незаметно для себя оказалась на широком открытом пространстве. Из рассказов тётушки она знала, что

эта площадь называется Соборной. И действительно, слева, залитый солнечным светом, сиял купол Преображенского собора. Перед ним у входа во двор, окружённый невысокой чугунной оградой, высился памятник Екатерине Великой. Взор величественной императрицы, облачённой в римские одежды, был устремлён куда-то по течению реки, бесшумно несущей свои воды к южному морю. На фундаменте ограды, прислонившись к решётке и вытянув ноги, сидели двое мужчин в рабочей одежде с папиросами в руках.

Даша, осмотрев окрестности, решила уже возвращаться, когда её внимание привлёк человек, шедший по тротуару вдоль домов, окаймляющих площадь слева. Она остановилась, вглядываясь в эту фигуру, и почувствовала как вздрогнуло вдруг и стало биться быстрее её сердечко. Это определённо был Сикорцев. Девушка остановилась в нерешительности, не зная как себя вести в подобной ситуации: оставаться на месте в ожидании казалось неприличным, уйти же совершенно не хотелось. Пока она раздумывала, Сикорцев заметил её. Он издали приветственно помахал рукой, ускорил шаг и вскоре оказался рядом.

— Доброе утро, Даша! — произнёс Виктор Павлович чуть взволнованно от быстрой ходьбы.

— Доброе утро! — ответила девушка, чувствуя как густо краснеет в присутствии этого человека.

— Я уже решил, что не смогу больше увидеть вас: на привычном месте вы так и не появились.

— Да, но целый день шёл дождь! Боюсь, мне не просто было бы объяснить тётушке желание прогуляться в такую погоду.

Сикорцев улыбнулся:

— Пожалуй, это и в самом деле была бы сложная задача. Но сегодня, надеюсь, я могу сопроводить вас хотя бы до скамейки?

— Думаю, можете. У вас ведь нет дурных мыслей в отношении беззащитной девушки?

Сикорцев откровенно рассмеялся:

— Как можно, конечно же есть! Ведь на самом деле моё настоящее имя Синяя Борода. Я похищаю юных девушек и увожу их на далёкие острова в океане.

— И какова же судьба этих несчастных?

— Она прекрасна: девушки живут в великолепном храме, сложенном когда-то в седой древности из отполированных блоков розового гранита, им прислуживают чернокожие девушки, привезённые из Африки, и они полностью посвятили себя служению Богини Ночи.

— Почему так? Почему не богу Солнца?

— О, Дашенька, это не простой вопрос, и,

соответственно, на него не может быть дан простой ответ, — неожиданно серьёзно ответил Виктор Павлович, беря её под руку. — Вам никогда не приходила в голову мысль о назначении человека в этом мире?

Даша удивлённо взглянула на него. Шедший рядом человек был на редкость серьёзен, что не походило на прежнего беззаботно флиртующего мужчину.

— Нет, — ответила она, — мне не приходилось задумываться о таких сложных вещах. И как это связано с похищением девушек? О, я поняла: вы безжалостно мучаете их, задавая подобные вопросы?

— Дорогая Даша, девушки здесь не при чём. Это просто была шутка, первое, что пришло в голову, когда вы спросили, нет ли у меня дурных мыслей на ваш счёт. А вот в отношении смысла нашей с вами жизни, согласитесь, лучше всего думать не под тёплыми лучами дневного светила, а лунными ночами, когда всё вокруг погружается в сон, а Богиня Ночи заливает землю своим призрачным светом, пробуждая к жизни древние силы, когда-то господствовавшие в этом мире. В полнолуние воскресают монстры, но приходят они не ко всем, а только лишь к избранным. И не стоит бояться этих существ, их появление для конкретного человека — знак необычности, знак

отторжения от толпы.

Вы знаете, Даша, ведь Франсиско Гойя ошибочно полагал, что сон разума порождает чудовищ. Это совсем не так. Именно во сне, когда сознание человека отделено от суеты нашего мира, к отдельным людям приходят Древние. Только им — посвящённым — передают они сакральные знания давно ушедших цивилизаций, раскрывают смысл бытия. Эти древние носители знаний поклоняются Владычице Ночи, они её верные слуги.

Даша растерянно вслушивалась в монотонную правильную речь своего спутника, которую он сопровождал выразительными жестами правой руки, и чувствовала как её сознание обволакивает нечто, подобное незримой паутине, постепенно лишая воли. Она освободила правую руку, на которой всё крепче сжимались мужские пальцы, резко остановилась и перевела дыхание. Сикорцев по инерции сделал пару шагов вниз по аллее и тоже остановился, развернувшись к ней. Его лицо было бледным, глаза запали, на висках выступили мелкие капельки пота.

— Что с вами, Виктор Павлович? Вам плохо? — испуганно спросила девушка.

Виктор Павлович несколько раз тряхнул головой, словно отгоняя вызванных воображением невидимых монстров, и с усилием улыбнулся:

— Нет-нет! Со мной всё в порядке, — ответил он. — Просто, знаете, заработался вчера, до поздней ночи принимал пациентов. А кроме того, нынешней ночью мне плохо спалось, оттого, видимо, и некоторая усталость. Но мы с вами немного прогуляемся, сегодня прекрасная погода, и я приду в себя. Простите, ради Бога, что напугал вас своими рассуждениями. Прошу вас, не принимайте это близко к сердцу.

— Хорошо, — ответила Даша, — только давайте больше не будем говорить о монстрах, возникающих в полнолуние, даже если они и являются носителями тайных знаний. Признаюсь откровенно, мне вполне хватило обычных, тех, что нам дали в гимназии. Так мы идём к скамейке?

— Ах, да! — спохватился Сикорцев. — Конечно же, идём. Прошу вас, возьмите меня под руку. И давайте поговорим о чём-то более приземлённом, но от этого не менее прекрасном, например, о вас.

— Что вы, — рассмеялась девушка, приходя в себя после недавнего инцидента, — в моей жизни нет ничего такого, что представлялось бы интересным. Я обычный человек: живу сегодняшним днём, словно мотылёк, и жду чего-то такого, что в состоянии перевернуть мою жизнь, придать ей смысл, как выговорите. Но я молода и надеюсь, что у меня всё ещё впереди...

А вот вам уже определённо есть, что вспомнить, Виктор Павлович! Вы взрослый самодостаточный человек. Расскажите мне, будьте добры, о вашей профессии. Каково это быть врачом-психиатром, пользоваться людей с необычной психикой, возвращать к жизни заблудшие души? Ведь это, наверное, так интересно!

Сикорцев усмехнулся её горячности:

— Увы, должен вас огорчить, Даша. Ничего интересного, а тем более романтического, в нашей профессии нет. Хотя, не скрою, лично мне бывает порой любопытно общаться с людьми, психика которых нарушена, то есть отличается от среднестатистического человека.

— Вы хотели сказать — нормального человека?

— Если хотите — да, пусть будет так.

— А что вообще считается нормой в понимании вашей специальности?

— О, Дашенька, это не простой вопрос. Если вы начнёте читать специальные книги по психиатрии, то неизбежно найдёте у самой себя отклонения от так называемой нормы.

— Даже так? Но должно же существовать какое-то общепринятое определение психически нормального человека?

— Ну, скажем так: нормальным принято считать человека, который придерживается

принятых в обществе этических правил поведения. При этом, может оказаться так, что эти правила в разных социумах могут существенно отличаться. Скажем, то, что считается нормальным в племени аборигенов, живущих на уровне каменного века, в цивилизованном обществе не может быть таковым. К примеру, обычай поедать сердце поверженного врага или скальпировать его. У нас такого любителя экзотики сочли бы ненормальным и упрятали в дом умалишённых.

Девушка, живо представив сцену снятия скальпа с человека, брезгливо поморщилась:

— Похоже, вы правы: моральные принципы на разных этапах развития общества были неодинаковы, а в соответствии с этим и определение, что такое «нормальность», могло меняться. Ну, хорошо, предположим, что к вам на приём доставлен человек, который совершенно точно ненормален. Вы убедились в этом и приступаете к лечению. Какие вы применяете методы для этого? Какие из них наиболее действенны?

— Дашенька, это очень специфическая тема. Скажу только, что в любом случае вместилищем болезни является человеческий мозг. Нередко, погружая пациента в глубокий сон, удаётся разблокировать неработающие его участки и добиться неплохих результатов.

— И как же вы его погружаете в глубокий сон?

— Для этого существует гипноз, имеются специальные методики подавления бунтующего сознания, позволяющие вернуть психику человека в норму.

— И что же, любого человека можно ввести в гипнотическое состояние?

— Практически любого. Лишь очень немногие люди обладают способностью сопротивляться воле гипнотизёра.

— И вы обладаете такими гипнотическими возможностями?

— Да, — чуть помедлив, ответил Виктор Павлович, — обладаю. Это ведь моя специальность.

— И что же, вы, к примеру, можете меня загипнотизировать против моей воли?

— Думаю, что смогу, но не стану этого делать. Поверьте, у вас нет причин меня опасаться.

Так в разговорах они незаметно дошли до скамейки, на которой обычно Даша читала во время дневных прогулок. Время пролетело незаметно. И когда оно подошло к обеду, они с обоюдным сожалением попрощались, договорившись встретиться завтра на этом же месте.

Виктор Сикорцев родился в Казани, в богобоязненной семье обедневшего помещика, которая вынуждена была расстаться с родовым гнездом и перебраться в город. Имение было вовремя продано, деньги предусмотрительно вложены в банк, что позволяло иметь небольшую ренту. На эти деньги скромно жили двое взрослых и ребёнок. Шли годы. Мальчишка рос, окончил гимназию и поступил в местный университет на медицинский факультет.

По окончании учёбы Виктор несколько лет проработал в городском доме призрения за душевнобольными, где приобрёл немалый опыт, а затем вернулся в университет, куда к тому времени был приглашён некто Владимир Михайлович Бехтерев, молодой, но уже довольно известный специалист в области изучения психических состояний человека. Столичный профессор организовал новую кафедру, при которой была психофизиологическая лаборатория, где и продолжил свою работу Виктор.

По удивительному стечению обстоятельств они появились на свет божий в один год, совпали даже число и месяц рождения. Возможно это обстоятельство, но, скорее всего, некоторая схожесть характеров, умение Сикорцева нестандартно мыслить и аналитический ум Бехтерева способствовали постепенному

сближению молодых людей. Виктор стал частым гостем в доме своего непосредственного начальника, где под молчаливым присмотром его жены Наташи они могли часами говорить о феномене человеческого мозга, о непостижимости природы сознания.

Одним воскресным днём, уже ближе к ночи, после хорошего ужина, за которым был опробован новый сорт водки, разговор зашёл о предназначении человека. Говоря об этом вечном предмете философских прений, нельзя было обойти стороной причину возникновения человека — вершины живого мира. При этом Бехтерев был согласен с теорией эволюции Чарльза Дарвина, а Сикорцев разделял взгляды каббалистов, утверждавших, что всё вокруг нас, включая человека, это результат некоего одномоментного Действия.

— И кто же, по вашему, совершил это ваше действие? — спрашивал в сердцах Бехтерев.

— Бог, — терпеливо отвечал Сикорцев, — только ему под силу было совершить такое.

— Да что вы говорите эдакое, батенька! — возмущался Владимир Михайлович. — А как же быть со всемирной историей? С археологией, наконец? Как быть с нашим прошлым, с миллионами лет, оставшимися позади?

— С нашим прошлым, увы, мы вынуждены

жить, — усмехался в ответ на это Виктор Павлович, — выбор-то у нас небольшой. А что касается миллионов лет, так и время, простёртое в необозримое прошлое, родилось в тот самый момент, когда мир наш появился на свет божий. Кстати, как можно объяснить необходимость появления человеческого сознания в нём? Вы же понимаете, что прямой необходимости для планеты в этом никогда не было, а человек, как вид, выжил бы, даже имей он чуточку меньше мозгов. Но *homo sapiens* ведь достаточно сильный примат.

Молодой профессор, не ожидавший такого вопроса, задумался. Сикорцев, покачивая ногой, с улыбкой смотрел на заведующего кафедрой и лабораторией психических расстройств. Наконец Бехтерев нехотя произнёс:

— Согласен, батенька, необходимости в этом для человека не было. Это узкое место в теории Дарвина.

— Конечно узкое! Это же придумать нужно было такое: слепой случай во главе угла и бесцельное существование человека в перспективе. Нет уж, увольте! По мне гораздо гуманнее и привлекательнее идея креационизма, хотя, не стану спорить, и к ней есть много вопросов.

— От вашей каббалы, дорогой Виктор Павлович, за версту несёт плохо скрытой религией. А там, где религия, нет места науке, и лично меня

это не устраивает совершенно. Что же в отношении сознания, то, по моему разумению, мы находимся в самом начале непростого процесса изучения этого феномена. Мне совершенно ясно, что его наличие связано с особым устройством нашего мозга. Иначе и быть не может... Именно мозг является генератором сознания, но как это работает, в настоящее время, увы, мы даже не догадываемся. Но я почему-то уверен, что пройдёт время, и знания, полученные на пути его изучения, изменят в будущем и самого человека, и мир вокруг него. Собственно, для этого и создана, если разобраться, наша лаборатория. Вы ведь согласны с этим?

— Отчасти да, согласен. Но что вы скажете о душе человеческой? Ведь именно её наличие, прежде всего, и отличает человека от животного. Она скрыта в глубинах сознания? Или где-то ещё?

Владимир Михайлович поднялся с кресла и задумчиво прошёлся по комнате. Это всегда было признаком того, что заданный ему вопрос не прост и требует времени для поиска ответа на него. Наконец, он остановился перед сидящим на диване Сикорцевым:

— А как бы вы сами определили, что такое душа? Ведь без чёткого понимания того, что представляет собой предмет дискуссии, она сама по себе теряет смысл. Так что же такое, по-вашему, есть душа человеческая?

Виктор Павлович словно ожидал, что дело примет такой поворот, и это его не смутило. Он рассмеялся и ответил сразу же, не задумываясь:

— Признаться, сам над этим долго думал, но так и не смог найти ответ, который бы меня устроил. Не подумав, я бы сказал, что это проявление, отзвук Бога в человеке, но порой смотришь на иного и понимаешь, что божественная благодать явно прошла мимо этого венца природы. Зато в мире животных иногда можно наблюдать такое, что иначе как наличием души, пусть даже примитивной, не объяснить.

Тогда, может это результат борьбы за человека Бога и его Оппонента? Их отражение в нём? Это, пожалуй, ближе к теме нашего разговора, но, боюсь, тоже не удовлетворит ни вас, ни меня. В особенности вас, поскольку здесь, как вы говорите, нет науки. Да и как можно привязать её к такому тонкому предмету?

— Да, непросто... Несомненно одно: сознание и душа это взаимосвязанные категории, изучать которые несомненно следует, и гипноз один из тех немногих инструментов, которые приблизят раскрытие тайны бытия.

Сегодня утром, кстати, имел удовольствие наблюдать за тем, как мастерски вы провели сеанс массового гипнотического воздействия. Признаюсь, был потрясён. Вы — талантище, мой друг. У меня

на глазах преображались люди, менялась их суть, иными становились устремления. Я глубоко уверен в том, что гипнозом, в том числе коллективным, со временем можно будет не только лечить многие психические расстройства, но и, если можно так выразиться, улучшать природу человеческую.

Вот вы, Виктор Павлович, как практикующий врач, можете сказать, что происходит во время гипнотического воздействия с человеком? Меняется ли при таком воздействии то, что мы называем душой? Случалось ли вам хотя бы единожды ощутить её у пациента во время сеанса?

— Не знаю даже, что ответить..., — задумался Сикорцев. — Возможно... Весьма вероятно... Хочу заметить, друзья мои, что я и сам меняюсь под час сеанса гипнотерапии. Никогда не признавался в этом, но сейчас откроюсь: не только наши испытуемые находятся в состоянии какого-то транса, но и сам я словно на время ухожу из этого мира. И там, в странном многоцветьи, мне приходится выбирать источник силы. И это каждый раз происходит по-разному. Иногда возникает впечатление, будто бы в это время невольно касаешься чего-то огромного, потустороннего, такого немыслимо прекрасного, что не хочется возвращаться обратно, хочется остаться там навсегда...

Но порою бывает и так, что приходится

соприкастаться с чем-то холодным, жутким, но при этом также невероятно могущественным. От него уходит обратно очень сложно, он словно высасывает из тебя все жизненные силы. И, кстати, мои подопечные во время сеансов в зависимости от того, с кем я контактирую, тоже чувствуют себя по-разному.

Профессор с недоумением смотрел на взволнованного Сикорцева:

— Вы об этом, батенька, никогда не говорили... Виктор Павлович, вы уверены, что всё это не ваши фантазии, вызванные попросту напряжением мозга во время гипнотического сеанса?

— Увы, нет! Когда я ощутил это впервые, мне тоже пришла в голову такая же мысль. Но потом, когда опытов стало больше, стало ясно, что сознание во время сеансов покидает моё тело точно так же, как и моих пациентов. Не могу знать, где происходит их взаимодействие, но совершенно точно не в нашем мире. Трудно подобрать подходящие слова для описания того, что я вижу во время гипнотического сеанса. И, признаться, это чем дальше, тем больше волнует меня.

И знаете, во мне всё больше крепнет уверенность в том, что во Вселенной не мы одни обладаем живым сознанием. Где-то невообразимо далеко есть миры, очень похожие на наш.

— И что же, вам приходилось видеть их во время сеансов?

— Да, приходилось, хотя я понимаю, что в это трудно поверить. В особенности меня привело в замешательство общение с некими существами, которые внешне напоминают нас, но мораль которых основана на совершенно иных принципах. Во главу угла общественного устройства там положен принцип главенства всего общества, а жизнь отдельно взятого существа имеет ценность только с точки зрения полезности её для всего социума. Нет пользы — нет и смысла в поддержании такой жизни. И я так понял, что такие особи в том мире подлежат стерилизации, уничтожению, попросту говоря.

— Да, я гляжу, вы изрядный фантазёр, батенька! Нечто подобное о вселенской жизни я уже имел возможность слышать во время своего короткого визита в Калугу от одного тамошнего учёного — самоучки. Запомнил его фамилию... И где же находится эта ваша цивилизация? Отчего, не к ночи будь сказано, мы не знакомы с ней? Что заставляет их скрываться?

Сикорцев был удивительно серьёзен, что не вязалось с тем, о чём он рассказывал:

— Владимир Михайлович, я понимаю, что говорю странные вещи, подлинность которых невозможно доказать. Разве что вы сами

согласитесь принять участие в моём гипнотическом сеансе. И в самом деле, отчего бы вам не рискнуть? Ведь ни один из моих пациентов до сих пор не пострадал от этого. Тогда вы сами имели бы возможность убедиться в том, что мои слова не просто фантазии.

Владимир Михайлович поймал настороженный взгляд жены. Наталья незаметно подмигнула ему и вскользь прижала палец к губам: молчи, дескать, не реагируй. Бехтерев откашлялся и неожиданно для себя спросил:

— И что же, Виктор Павлович, вам приходилось бывать у этих существ? Каково, интересно, там?

Сикорцев словно ждал этого вопроса. Он коротко взглянул на хозяина дома, на его жену и, не задумываясь, ответил:

— Да, вынужден признаться, что мне однажды пришлось, как бы глазами одного из них, увидеть мир, в котором они живут. Это случилось, примерно, год назад во время очередного сеанса гипнотерапии. Признаться, я до сих пор не могу понять, что это было: то ли случившийся вдруг глубокий сон, то ли результат непонятной работы мозга во время гипнотерапии. Но весьма вероятно также, что это могло быть попросту галлюцинацией, следствием обычного переутомления.

Насколько я понял из ментальной информации, существо это мужского пола принадлежало к той узкой прослойке общества, которых здесь, у нас, называют учёными. Он просил называть его д'Ункас. Я не знаю каким образом, но мы с ним как-бы поменялись телами. Он в моём имел возможность познакомиться с Землёй, а я в его — с планетой, именуемой Тамира.

Эти существа, кстати, я повторяю, очень похожи на людей, за исключением разве что формы ушей, разреза глаз, фактуры волос и каких-то иных мелочей, которые я мог заметить лишь вскользь, и которые по этой причине не сохранились в моей памяти. Они имеют, примерно, наш рост, так же сложены и похоже одеты: куртки, брюки, сапоги.

Их женщин мне не удалось видеть, только мужчин, поскольку действие происходило в каком-то помещении совершенно гигантских размеров. Я потом понял, что это был храм в нашем понимании. Возможно, их религия, как и нашим мусульманам, не позволяет находиться в одном и том же священном месте мужчинам и женщинам одновременно.

Я вышел из какой-то машины, внутри которой оказался непонятным для меня образом, уже в теле д'Ункаса. Стоявшие на площадке перед этим механизмом существа — язык не поворачивается назвать их людьми — видимо ждали моего

появления. При виде меня они зашумели, переговариваясь, а затем один из них, одетый в чёрные одежды в отличие от своих разноцветных соплеменников, жестом пригласил меня пройти на балкон. Я последовал за ним.

Снаружи, скорее всего, вечерело. Воздух был чист и пропитан приятным запахом, каким пахнет луг в летний полдень. Стайка крупных птиц, выстроившись в клин, неспешно пролетала наискосок прочь от храма, исчезая вдали. Передо мной до горизонта простиралась долина такого необыкновенно глубокого цвета, который я рискнул бы назвать тёмно-синим, ближе к фиолетовому. Присмотревшись, я понял, что такой цвет ей придают низкорослые, посаженные неподалёку друг от друга деревья. У горизонта виднелись далёкие горы, украшенные снежными шапками. Вершины их были залиты оранжевым светом зашедшего светила. У крайней виднелось одинокое ослепительно-белое облако в форме шара.

Высоко в небе, которое там имеет светло-оранжевый оттенок, висела их луна. Она имела размеры, примерно, нашего спутника, но только форма пятен на диске была совершенно иной. Присмотревшись, я уловил необыкновенное сходство этой луны с черепом, имеющем странную для такого предмета округлую форму. Всё было на месте: глазницы, треугольный провал носа, и даже

безгубый рот, в котором угадывались остатки зубов. Признаюсь, испытал лёгкий дискомфорт, когда до меня дошло это невольное сравнение.

Но не успел я в полной мере насладиться видением незнакомого для меня мира, когда стоящий рядом мужчина в чёрных одеждах тронул меня за локоть и знаком показал, что нужно возвращаться назад. Назад — это значило к механизму, внутри которого я неожиданно обнаружил себя во время гипнотического сеанса.

Машина к этому времени оказалась вся окутанной электрическими разрядами, что привело моих спутников в возбуждённое состояние. Они буквально затолкали меня внутрь, за мной захлопнулась дверь, раздалось низкое гудение каких-то скрытых моторов, и я снова оказался в зале перед сидящими в креслах пациентами, погружёнными в глубокий гипнотический сон. Часы показывали, что от начала сеанса прошло не более пятнадцати минут. Далее всё было как обычно, разве что мои пациенты казались более сонными, чем обычно. Но такое бывает при гипнотерапии, но мне ли вам об этом рассказывать.

Вот такая коллизия, господа, приключилась со мной. Я до сего времени никому не рассказывал об этом, боясь быть превратно понятым, но сейчас вот под действием то ли настроения, то ли нашей дискуссии всё же решился: свои ведь люди. И,

знаете, как-то сразу стало легче... Ну-с, так что скажете на это, Владимир Михайлович, да и вы, Наталья Петровна? Что это могло быть: результат гипноза или нечто иное, не имеющее к нему отношения?

Бехтерев и жена переглянулись, по их лицам было видно, что им трудно найти ответ на это вопрос. Да и сам рассказ произвёл сложное, если не сказать более, впечатление. Наконец, Владимир Михайлович осторожно, без тени улыбки заметил:

— Н-да-с... И когда же вы успели ознакомиться с устройством их общества?

— Это было позже.

— Вот как! То есть нужно понимать, что ваш контакт с этими существами не был единичны... А как вы вообще себя чувствуете, Виктор Павлович? Может, мне стоит осмотреть вас?

Сикорцев не ожидал такой реакции профессора на его рассказ и явно был этим рассержен. Он встал из кресла и, отойдя к окну, глухо произнёс, глядя куда-то в сгущающиеся сумерки:

— Вы что же, полагаете будто я нездоров? Что всё то, о чём я вам рассказал, это не более, чем бред моего воспалённого воображения? У вас тоже такое мнение, Наталья Петровна?

— Что вы, Виктор Павлович! Видит Бог, Владимир Михайлович не хотел вас обидеть. Не

следует воспринимать его слова так категорически... Но вы оба, должна упрекнуть, последние месяцы работаете, словно каторжане: без нормального сна и надлежащего отдыха. Уж мне ли не знать, чего стоит вам обоим эта лаборатория. Немудрено и до галлюцинаций на почве нервного истощения...

— Собственно, это я и имел в виду, говоря о нездоровье, — добавил Бехтерев, чувствуя себя несколько неловко при виде стоящего к ним спиной Сикорцева. — Прошу простить, Виктор Павлович, если вопрос мой был не к месту. Право же, я вовсе не хотел обидеть вас таким образом.

— Да я и не сержусь вовсе, друзья мои, — повернулся к ним Сикорцев. — Видимо вы правы: все мы и в самом деле устали от той бездны работы, которую на себя взвалили. Прошу простить мне мою резкость и откланяться. Пойду домой отсыпаться. Завтра ведь у нас дополнительно намечены несколько сеансов гипноза.

— Нет-нет! — встал на его пути Бехтерев. — Я не отпущу вас, пока мы ни выпьем по рюмке на посошок, и я ни услышу, что вы не сердитесь на нас с Натальей.

— Хорошо, не откажусь от посошка, крепче сон будет.

— Ну, вот и отлично! Прошу к столу.

Садиться за стол не стали. Наталья Петровна с

улыбкой наблюдала за тем, как мужчины стоя выпили по рюмке водки и обнялись на прощанье.

— Не обессудьте, — мягко произнёс Сикорцев, — за несколько испорченный вечер. Не стоило мне рассказывать то, что и в самом деле могло быть всего лишь сторонним эффектом гипнотического сна. До меня только сейчас дошло, что и в обычном-то сне нередко мы пребываем в столь реальном мире, после которого, проснувшись, не сразу-то и сообразишь, где находишься: там или здесь.

— Не беда, батенька, — похлопал его по плечу Бехтерев, — не принимайте близко к сердцу. Наташа права: мы все попросту устали. Ступайте домой и хорошенько выспитесь. Завтра у котором часу у нас первый сеанс?

— В десять, если не ошибаюсь.

— Ну, вот и отлично. Не стоит приходить раньше. Я жду вас ровно к этому времени.

— Хорошо, я так и сделаю, до завтра. Спокойной ночи, Наталья Петровна.

— Спокойной ночи, Виктор Павлович.

Сикорцев ушёл, и молодые супруги некоторое время молча смотрели на закрывшуюся за ним дверь.

— Что скажешь, Наташа? — спросил Бехтерев, приобняв жену за плечи.

— Прости, но, к сожалению, ничего хорошего.

Ты не замечаешь, как всё чаще наш новый друг бывает бледен и молчалив? Как порой его речь теряет связность? А этот сегодняшний его рассказ о якобы состоявшемся обмене телами с неизвестным существом и путешествии на иную планету, вокруг которой вращается какая-то мёртвая луна? Это не может быть результатом ваших неумеренных увлечений гипнотическими сеансами?

— Помилуй Бог, Наташенька! Со мной-то, надеюсь, ничего подобного не происходит, хотя я не меньше Виктора Павловича занимаюсь отладкой методики массового гипнотического воздействия. Или я просто не замечаю этого?

— Да нет, слава Богу, за тобой я не вижу никаких пагубных отклонений. Но это просто может говорить о том лишь, что твоя психика более устойчива, чем у Сикорцева. И не более... А вот наш новый друг явно нуждается в продолжительном отдыхе. И ты, как его начальник, должен непременно настоять на этом.

— Хорошо-хорошо, радость моя! Только не волнуйся так, я всё устрою, как ты говоришь. Считаю, что с завтрашнего дня Виктор Павлович в отпуске. Это я тебе обещаю.

— Хорошо бы... Но только согласится ли он сам с таким решением?

— О, душа моя, ты же знаешь, как я могу быть настойчив в случае нужды. Поверь, завтра

Сикорцев будет думать уже о том, где провести ему ближайший месяц, а не о своих инопланетянах. И вот что, не пора ли нам тоже баиньки? Я что-то тоже устал, признаться.

С этими словами он аккуратно, но властно привлёк жену к себе, целуя её пахнувшие лавандой волосы.

— Да, ты прав как всегда, дорогой, — улыбаясь, ответила ему поцелуем Наташа. — Иди ложись, постель там уже приготовлена, а я быстренько уберу со стола и приду к тебе.

Спустя полчаса в квартире Бехтеревых погас свет.

4.

Встречи Даши с её новым знакомым стали регулярными, и вскоре она не уже мыслила своей жизни без этого человека. Сикорцев оказался очень интересным человеком: умным, хорошо образованным, интеллигентным. Кроме того, что скрывать, он был по-мужски красив, напоминая девушке героев прочитанных ею романов. Дарья была покорена обаянием Виктора Павловича, невольным чувством власти, исходившей от него. Ей нравилось во время прогулок по городу, идя рядом с Сикорцевым, ловить на себе оценивающие взгляды идущих навстречу дам. Нравилось

ощущать под рукой его упругий бицепс, чувствовать тепло и ощущать запах этого человека. В нескромных мыслях, которые невольно возникали в девичьей головке перед сном, он был её, и ни чьим больше, мужчиной.

Потом всё произошло как-то удивительно быстро и в полной тайне от тётушки. Однажды, провожая домой, Сикорцев огляделся вокруг и, убедившись, что их никто не видит, вдруг привлёк девушку к себе и крепко поцеловал. Она забилась в его руках, протестуя, но тут же обмякла, не в силах сопротивляться, и ответила ему таким же страстным поцелуем.

Это было волшебное время. Они искали уединённые места и целовались до безумия. Но наступила осень, а затем и зима, и таких мест не осталось вовсе. А любовная энергия требовала выхода. Оставалась лишь арендованная квартира Виктора Павловича. Она имела отдельный вход, и при определённом уровне осторожности внутрь можно было попасть незаметно. Даша долго не решалась войти в жилище одинокого мужчины, но стоило поступить так первый раз, и потом уже было проще. Вместо публичной библиотеки, куда девушка по мнению тётушки ходила с завидной регулярностью, она всё чаще стала проводить время в квартире Сикорцева.

Довольно долго их любовь ограничивалась

объятиями, ласками и поцелуями, после которых, вернувшись домой, Даша долго не могла прийти в себя. Особенно трудно было уснуть. Прикосновения мужских рук к груди, животу, бёдрам вызывали непонятный сладостный жар во всём теле. Этот жар требовал выхода, но Даша даже в мыслях боялась представить себе то, о чём тайком, посмеиваясь, переговаривались её более опытные в любовных делах гимназические подруги. Необычное поведение девушки заметила даже тётушка, обратив внимание на то, что на вопросы она порой отвечает невпопад. Это обеспокоило её, но Дарья взяла себя в руки и свою рассеянность объяснила влиянием прочитанных романов и чисто женским недомоганием.

Но то, что неизбежно случается в таких случаях в отношениях между мужчиной и женщиной, всё-таки произошло. Она не помнила, как оказалась раздетой в постели, как, дрожа, помогала ему войти в неё, и лишь момент сладостной боли остался навсегда в женской памяти. Опустошённые, они долго тогда лежали рядом, крепко обняв друг друга, и только необходимость вернуться домой вовремя заставила Дарью прийти в себя. Она оделась с его помощью, попросила не провожать и ушла к себе.

Девушка шла медленно вниз по бульвару. В памяти то и дело всплывали мгновения близости, и

тогда ей казалось, что все, кто шёл ей навстречу догадываются о том, где она была и что там произошло. Опустив глаза и избегая встречных, она вернулась домой и, сославшись на мигрень, рано легла спать.

Любовью они стали заниматься регулярно, договорившись предварительно, что дети не входят в их ближайшие планы, поэтому нужно быть осторожными и аккуратными. Впрочем, как оказалось позже, об этом было проще говорить, чем реализовать на деле.

Но кроме того, что Сикорцев оказался ласковым и страстным любовником, Даша открыла в нём ещё ту самую тайну, которой непременно должен был обладать её мужчина. Это случилось в конце весны. Однажды она пришла к нему чуть раньше условленного времени. На звук дверного колокольчика Виктор — к этому времени они уже давно были на «ты» — откликнулся мгновенно. Он был явно взволнован, но Даша отнесла это на то, что он попросту рад видеть её.

Она сняла пальто в прихожей и, пройдя в гостиную, заметила, что в соседней комнате, служащей кабинетом, на столе находится необычный предмет. Это был прозрачный шар, стоящий на треноге. Девушка никогда раньше не видела его и, смеясь, спросила, не занимается ли он в свободное от работы время спиритическими

сеансами, вызывая души умерших людей. Виктор явно смутился, но потом, уступив настойчивым вопросам Дарьи, которой ни в чём не мог отказать, рассказал ей необычную историю, начало которой было положено ещё в бытность его врачом местной больницы для душевно нездоровых людей в Казани.

5.

На следующий день после их вечернего разговора о сути человеческого сознания и наличия существ им обладающих на иных планетах Бехтерев предложил Сикорцеву взять месячный отпуск и отдохнуть. Предложение имело форму приказа и обсуждению не подлежало. Впрочем, Виктор Павлович удивительно легко отреагировал на это, молча написав соответствующее заявление, и в тот же день отбыл поездом вначале в Москву, а оттуда, не задерживаясь, на юг, в сторону новой столицы степного края.

В спальном вагоне он ехал один. Проводник принёс чай в подстаканнике, горку крендельков на блюдечке и, получив благодарность, удалился. Оставшись в одиночестве, Сикорцев смотрел через окно на пробегающие мимо селенья, поля, перелески, слушал монотонный стук колёс и думал о том, что занимало его мысли последнее время.

Вчера вечером он не обо всём рассказал Бехтеревым. Виктор Павлович умолчал о том, каким был его очередной контакт с существом, называющим себя д'Ункас. И впервые состоялся он не случайно во время гипнотического сеанса, а несколько иначе, при необычных обстоятельствах.

Тогда Сикорцев ещё работал врачом в больнице для психически пострадавших людей. Сюда попадали по разным причинам, в том числе и по причине банального пьянства. Виктор Павлович не любил эту категорию людей, сознательно убивающих в себе всё человеческое, относился к ним с некоторой внутренней брезгливостью, но, будучи врачом по убеждению, не мог отказать им в лечении. Одним из приёмов, который, на его взгляд, мог в этом случае оказаться очень эффективным, Сикорцев считал гипноз. Больничное и районное начальство к этой идее относилось прохладно, но поскольку положительные моменты в практике молодого врача всё же были, хотя и не в том количестве, когда можно было говорить о полном успехе, то по этой причине на его опыты смотрели сквозь пальцы.

Однажды ближе к концу августа Виктор Павлович почувствовал себя уставшим после бесплодных попыток привести в состояние гипнотического сна группу больных, страдающих патологическим пьянством. Он вышел на крыльцо,

глубоко подышал полной грудью, наслаждаясь прохладным воздухом, и, прислонившись к стене, стал смотреть на огромную луну, повисшую над горизонтом. Вечерние сумерки уже плавно переходили в ночь, и справа от неё была отчётливо видна яркая звезда. Откуда издалека доносилось едва слышное пение сверчка. Было какое-то очарование в этом тихом вечере и в печальном облике ночного светила, переживавшего свой очередной циклический закат.

И вдруг Сикорцеву показалось, что лик луны дрогнул и на какую-то доли секунды утратил свои очертания. Вместо обычного несколько скорбного выражения он стал походить на череп того анатомического скелета, который стоял за стеклом в шкафу его кабинета. Впрочем, видение исчезло так же неожиданно, как и появилось, и с ночного небосвода на него смотрело привычное женское лицо с открытым в безмолвном крике ртом. Виктор Павлович решил бы, что это результат переутомления, вызванного работой, если бы не учащённый пульс, свидетельствующий о резком повышении кровяного давления. Он сделал несколько дыхательных упражнений, приводя себя в норму, и отправился спать. День был длинный и утомительный.

В ту ночь Сикорцеву приснился сон, в котором он увидел себя идущим по степи к

небольшому озерцу, расположенному недалеко от города. Это было привычное место его воскресного отдыха. На берегу лежал большой гранитный валун, отполированный временем. На нём приятно было лежать, ощущая тепло, накопленное камнем под солнечными лучами. Сбоку, со стороны водоёма в камне имелась невидимая со стороны довольно глубокая выемка. Он как-то случайно обнаружил её. В углублении можно было спрятать одежду и, пользуясь одиночеством, поплавать в тёплой, чистой воде.

Впрочем, не только он любил бывать здесь. Нередко по воскресным дням горожане приезжали сюда семьями, и тогда здесь былолюдно и даже весело. Сейчас же, в этом явственном сне, вокруг не было ни души. Сикорцев, задумавшись, автоматически отмечал как мнутся травинки под его ботинками и не сразу заметил, как оказался на месте.

Вечерело. Светло-серая каменная глыба была всё ещё тёплой, но не это сейчас привлекало внимание Виктора Павловича. Он знал, что в углублении находится Нечто. Сикорцев присел на корточки перед своим тайником, засунул внутрь руку и нащупал какой-то гладкий и прохладный предмет. Извлечённый на свет божий, он оказался прозрачным шаром, каким пользуются предсказатели будущего, выманивая деньги у

доверчивых простаков.

И в этот момент сон прервался. Сикорцев сел на кровати, припоминая детали увиденного. Он уже сейчас знал, что с трудом дождавшись утра, отправится к тому прибрежному валуну и узнает насколько вещим был этот необычный сон. Так и случилось. Ранним утром Виктор Павлович стоял на берегу озерца, держа в руках неизвестно кем спрятанный предмет.

Прозрачный шар, словно глобус, был заключён внутри объёмной сферы, образованной двумя кольцами, плоскости которых были перпендикулярны по отношению друг к другу. К ним была прикреплена короткая рукоятка, изготовленная из такого же похожего на бронзу металла. Рукоятка эта легко превращалась в треногу, и тогда она являлась подставкой для этого предмета. С противоположной стороны на пересечении колец имелся короткий стержень, составленный из тонких, переплетённых между собой проволочек. Но самым любопытным было то, что сам этот шар не касался ограждающих его металлических колец. Он словно висел в воздухе между ними. При близком рассмотрении материал его казался собранным из бесчисленного множества мелких прозрачных кристаллов, образующих внутри шара сложную пространственную конструкцию.

Сон, увиденный сегодня, и найденный предмет определённо были каким-то образом связаны между собой. Такое совпадение не могло оказаться случайным. Сикорцев положил шар в полотняную сумку, которая была удобна для ношения в кармане пиджака, и отправился домой, чувствуя, что эта история должна иметь продолжение. Так оно и случилось.

Днём Виктор Павлович был занят на службе и домой вернулся поздно вечером, как обычно уставшим и слегка раздражённым. По дороге он, по обыкновению, всегда заходил в столовую, где неплохо кормили, а дома пил только чай по — индийски: с имбирём, лимоном и мёдом. Коллеги поговаривали, что такой способ повисить себе кровяное давление вреден перед сном, но Сикорцев не обращал на это внимания. Сон у него был на удивление здоров и крепок.

Сегодня же привычное место кормления неожиданно оказалось закрытым. Придя домой Виктор Павлович не спеша поужинал колбасой, купленной по дороге. После этого он сделал себе привычный напиток, поставил его настаиваться и затем только извлёк найденный утром предмет из сумки.

На ощупь шар оказался тёплым, что было неожиданно: не мог он нагреться в холщовой сумке, лежащей под скамейкой в довольно

прохладной прихожей. Сикорцев ещё раз удивился его устройству, тому, что прозрачный шар, обладая тяжестью, при этом висит в воздухе, не касаясь металлических колец. И тут ещё оказалось, что в вечерних сумерках он излучает слабое свечение, какое бывает у ночных насекомых — светлячков. Виктор Павлович с едва слышным щелчком превратил рукоятку в треногу, поставил предмет на стол и, откинувшись на спинку стула, с любопытством оглядел свою находку. И чем дольше он всматривался в его внутреннюю мозаику, тем сильнее ощущал, как сознание словно растворяется в пространстве, лишая его привычной силы воли.

Ровное свечение, идущее от шара, постепенно усилилось и вскоре превратилось в волновое излучение. Оно уже не распространялось равномерно во все стороны, а словно луч прожектора было направлено в сторону человека, неподвижно замершего на стуле. В чередовании слабых и ярких волн постепенно стала угадываться какая-то закономерность, раздался негромкий мелодичный звук, и Сикорцев физически ощутил, как превращается в точку, как неведомая сила швырнула его сознание куда-то в холодное пространство, так далеко, что этому не было аналогов в земном представлении о расстояниях. Потом снова послышался всё тот же мелодичный

звук, и он увидел себя в просторном помещении.

Стены комнаты были сложены из одинаковых каменных блоков светло-серого цвета. Чёрные гладкие плиты покрывали пол, потолок был полностью перекрыт деревянными балками, имеющими цвет старого дуба. Освещение в этом мрачноватом помещении создавали имитации факелов на стенах да настольная лампа с зелёным абажуром, стоявшая на столе. Возле тяжёлого на вид стола находились под стать ему такие же два громоздких стула. Мебель имела приятный для глаза цвет полированного ореха. За исключением гладких рабочих поверхностей вся она была покрыта тонкой резьбой и отсвечивала благородным оттенком лака.

Сикорцев без удивления обнаружил себя сидящим на одном из этих стульев. За другим сидел человек в сюртуке странного покроя. На его голове красовался головной убор в форме небольшой короны, украшенной прозрачными кристаллами. Передний был больше остальных и имел цвет рубина. Но всё это — средневековая комната, необычная одежда, корона — уходило прочь и было незначительным на фоне того, как выглядел сам этот человек. Странной фактуры короткие волосы, сквозь которые просвечивала светлая кожа головы, заострённые на кончиках уши с непропорционально большими мочками, узкая прорезь рта и необычная

форма носа. Присмотревшись внимательно, Виктор Павлович окончательно убедился, что это существо не является человеком: зрачки его глаз напоминали два узких, как у кошки, вертикальных разреза.

Некоторое время сидящие за столом внимательно рассматривали друг друга, а затем в голове Сикорцева прозвучало: «Как мне следует к тебе обращаться?». При этом губы существа не шевельнулись, вопрос, скорее всего, был задан мысленно. Виктор Павлович так же мысленно ответил: «Меня зовут Виктор. Где я нахожусь?». Его вопрос остался незамеченным. «Виктор это твоё собственное имя, но есть ли у тебя титул, подтверждающий полезность для общества, удостоверяющий твой статус?». Это было неожиданно. «Нет, — подумав, ответил Сикорцев, — у меня нет титула в твоём понимании, но у себя дома я врач, лечу людей. Как мне к тебе обращаться?». Существо также ответило не сразу. «Обращаясь ко мне, говори — д'Ункас. Здесь, у нас, это и имя, и титул одновременно. Ты должен помнить меня, поскольку мы уже позволяли тебе увидеть наш мир моими глазами», — прозвучало в голове. «Да, конечно... Я и в самом деле недолго видел ваш мир твоими глазами...» — вспомнил вдруг Сикорцев, откуда ему известно имя собеседника. — «Но как я теперь оказался здесь и зачем?».

То, что он услышал было неожиданным. «Тебя нет здесь», — ответил собеседник, и подобие улыбки мелькнуло на его бесстрастном лице, — «в настоящее время ты находишься у себя дома, в постели. Здесь присутствует только твоё сознание. У вас там, на Земле, ещё не знают, что всё окружающее нас это продукт мысли, а сознание это способ отражения материального мира. К пониманию, что такое «голограмма» ваши учёные придут позже, лет через сто в вашем исчислении. По этой причине мне нет смысла объяснять суть этого слова: у тебя нет достаточного количество знаний».

«Хорошо, пусть будет так... Но как вам удалось переместить моё сознание сюда, на вашу планету? Я слышал нечто невероятное о том, какие гигантские расстояния пролегают даже между ближайшими звёздами». «Это всё благодаря особому устройству, которое ты нашёл якобы случайно». «Ты имеешь ввиду тот самый хрустальный шар?». «Да, я имею ввиду это устройство, которое ты называешь «шар». Оно способно мгновенно активировать твоё сознание и перенести его на любое мыслимое расстояние. Ты не в состоянии понять принцип его работы. Скажу только, что при определённых технологиях ты сам сможешь переносить себя в любую точку пространства практически мгновенно. Просто наши

устройства усиливают эту возможность и делают её более эффективной. Мы доставляем их на те звёздные системы, в которых заинтересованы. Там со временем появляется по меньшей мере один абориген, частота излучений мозга которого попадает в диапазон частот нашего устройства. И тогда появляется возможность подготовить одного или группу наших агентов влияния на новой планете».

Это было по меньшей мере неожиданное сообщение. «Так я должен стать вашим агентом, не изъявив на то собственного желания?». «Нет, это не так. Я расскажу тебе о нашей миссии, и ты поймёшь, что это почётное служение общему делу всех разумных существ во Вселенной. Готов ли ты выслушать меня?». «Да, я готов». «Тогда слушай, человек». И д'Ункас начал свой рассказ.

«Цивилизация Тамиры — так называется наша планета — является одной из древнейших в галактике. Она пережила множество падений, от моментов, когда, казалось, разумная жизнь умерла окончательно, к последующим взлётам до немыслимых технологических высот, пока, наконец, совокупная информация о причинах таких скачков стала достоянием группы жрецов — учёных в вашей терминологии. Во главе этой группы стояла женщина с необычными способностями. Она могла предвидеть будущее

настолько точно, что это было похоже на волшебство. Необычным было и её появление в нашем мире.

Младенец в возрасте, примерно, года был найден охотниками высоко в горах, на границе раздела льдов и скудной растительности. Совершенно нагая девочка сидела на плоском камне, тёплом от лучей солнца. Увидев охотников, она протянула к ним руки и засмеялась. Не смотря на ощутимый холод, девочка чувствовала себя прекрасно. Вокруг не было ни малейших следов тех, кто оставил ребёнка на произвол судьбы. Охотники забрали девочку с собой и доставили в город. Там она получила имя Мирта и была определена в приют для детей, оставшихся по каким-то причинам без родителей.

К тому времени на Тамире исторически сложилось два объединённых государства. Названия их сложны, и понятнее будет, если я назову их Западное и Восточное. Оба они, исповедуя разное мировосприятие, переживали к тому времени расцвет технологий. Девочка была найдена в горах Западного государства, которое формально исповедовало принцип главенства права отдельной личности. Здесь личная жизнь ценилась превыше всего, а разумное сочетание законов обеспечивало эффективное развитие общества.

Восточное же государство во главу угла

ставило общественные институты. Там считалось, что каждый отдельно взятый индивидум сам по себе всегда заменим, представляет небольшую ценность, и только государство в лице группы просвещённых людей в состоянии определить наилучший путь своего дальнейшего развития. При этом любые попытки изменить общественный строй здесь жёстко пресекались, как, впрочем, и в Западном государстве.

Для управления гражданами в обеих странах были созданы особые правила воспитания, которые внедрялись в сознание детей буквально с младенческого возраста. Как ни странно, для этих целей общей в обеих государствах оказалась религия. Она хоть и отличалась в деталях, но в её основу была положена вера в единого Конструктора, который создал всё сущее в этом мире. Я не стану вдаваться в эти детали, поскольку, как выяснилось позже, они не являлись существенными.

Казалось, что технология жизни в Западном государстве была более эффективной. Но это только на первый взгляд. Тысячелетиями копившиеся материалы, наконец, были проанализированы учёными. И впервые это сделали аналитики Западного государства под руководством д'Мирты, которая к тому времени приобрела мировую известность даже не столько своими

трудами в области социологии, но сколько тем, что с удивительной точностью предсказывала различные события, ссылаясь на прямые контакты с самим Конструктором. И это, хотя и звучало необычно, было трудно опровергнуть.

Вот тогда-то по обе стороны границы всё чаще стали звучать вначале робкие, а затем всё более громкие высказывания, что эта женщина является не только проводником идей Конструктора, но и его представителем в нашем мире.

Так вот, выводы, сделанные группой д'Мирты, доказывали, что любое государство, в геометрической прогрессии наращивающее в городах технологии, освобождающие человека от необходимости физического труда, обречено со временем на гибель. Оно съедает самоё себя за счёт растущей гипертрофированной свободы каждого индивидуума. Той самой бесцельной свободы, которую приносят технологии, дающие, с одной стороны, избыток жизненных благ и свободного времени, а с другой — создающие расслоение общества на небольшое количество очень богатых и огромное большинство очень бедных и, по сути, ненужных, бесцельно живущих людей.

Вынужденные концентрироваться в городах, последние более многочисленны, более плодovиты и агрессивны, чем успешная часть населения. Со

временем эти лишние люди, наблюдая жизнь богатых хозяев технологий и сравнивая со своей собственной, постепенно объединяются в группы. Их лидеры создают философское оправдание своим действиям, а затем под лозунгом справедливого устройства мира начинают войну бедных против богатых, несостоявшихся людей против успешных и в итоге разрушают государство. Затем проходит время, много времени, и на пепелище прошлой возникает новая общественная генерация.

Спустя столетия ситуация повторяется на новом уровне и так циклически может происходить до бесконечности: взлёт и падение, взлёт и падение. Это при условии, что при очередном противостоянии противоборствующие стороны не уничтожат жизнь на планете как таковую.

Основной вывод, который был сделан группой учёных, состоял в том, что проблема неустойчивого развития общества заключается в отсутствии цели существования цивилизации и условий её достижения. И д'Мирта, ссылаясь на контакт с Конструктором, сформулировала эту великую Цель. Тебе непросто будет понять, человек, но я постараюсь изложить её наиболее доступно.

В высшем мире, недоступном нашему пониманию, идёт постоянная борьба Конструктора с его антиподом — Разрушителем. В этой борьбе оба они опираются не только на собственные

знания и идеи, но в том числе и те, что рождающиеся в головах своих сторонников — мыслящих существ.

Наша Вселенная возникла из Ничего усилием мысли Конструктора при полном согласии и даже участии Разрушителя. Никто не знает, что представляет из себя это Великое Ничто, но всё сущее родилось из него одномоментно, в форме начального взрыва. Осколки взрыва с колоссальной скоростью разлетались во все стороны, рождая по пути звёзды, планеты и жизнь на некоторых из них. Жизнь эволюционировала, мыслящие существа в своих предпочтениях осознанно или неосознанно принимали сторону либо Конструктора, либо Разрушителя. От этого часа весов в их противостоянии склонялась то в одну, то в другую сторону, рождая катаклизмы в обществе.

Идея, высказанная великой женщиной состояла в том, что Целью нашей цивилизации является осознанное служение Конструктору. Жизнь каждого из нас должна быть направлена на поиск новых знаний в стабильном обществе. Жрецы — собиратели знаний — должны стоять во главе единой цивилизации, определяя путь её развития. Жизнь отдельного индивидуума ничто в сравнении с этой Целью. Разумный отбор особей с подходящей генетикой позволяет ускорить этот процесс и сделать его более эффективным.

Воспитание новых особей это удел государства, а не семьи. Новая форма общественного устройства, позволяющая избежать междоусобных войн и обеспечивающая достижение основной цели — служение Конструктору, должна быть распространена на другие планеты, создавая Единую всегалактическую цивилизацию.

Такова в общих чертах Идея и принципы её осуществления, благодаря которым мы уже много столетий не знаем войн и активно накапливаем знания, позволяющие противостоять Разрушителю. Ваша планета давно находится под нашим наблюдением. Она испытывает сильное влияние Разрушителя. Наша задача создать форпост на Земле, подготовить людей к новому общественному укладу с целью служения создавшему нас Конструктору.

Я сказал, ты услышал. Теперь можешь задать свои вопросы, человек».

Сикорцев не сразу собрался мыслями. Уж больно необычно было всё, что он услышал: Конструктор, Цель, устройство общества, форпост...

— «Спасибо за рассказ», — наконец мысленно подал он голос, — «признаюсь сразу, мне не по душе такое подавление личности и тот отбор, благодаря которому, насколько я понял, не все рождённые на вашей планете имеют право на

жизнь. Боюсь, что и большинству моих соотечественников это тоже не понравится. Все живые существа должны иметь право на свой шанс стать кем-то».

д'Ункас поднял руку:

— «Ты не прав, человек. Мы значительно старше вас, и у нас накоплен печальный опыт того, к чему приводит различие мнений и то, какими средствами эти мнения отстаиваются. Есть единственно правильный путь развития общества, и он состоит в служении Конструктору. Вам предстоит убедиться в этом в ближайшие годы. Наши вычислительные машины уже смоделировали путь вашего развития, отгалкиваясь от истории и того, какие мысли будоражат головы людей, озабоченных таким понятием, как «справедливость». Вывод таков: страну, в которой ты живёшь ждут нелёгкие времена. Она исчезнет в том виде, в котором существует сегодня. Это будет сопровождаться десятками миллионов смертей. Причина этого кроется в неправильно понимании мироустройства. Мы поможем вам, но только после того, как само общество будет подготовлено к этой акции происходящими событиями. К этому же времени на Земле будет создано общество последователей наших идей. Одну из его ячеек возглавишь ты, человек. Мы поможем тебе в этом!».

Сикорцев усмехнулся:

— «А что будет, если я откажусь принимать в этом участие?».

— «Нет, ты не откажешься. После того, как тебя ознакомят с результатами работы наших учёных, ты поймёшь, что это единственно правильный путь развития вашего общества. В противном случае той части страны, в которой ты живёшь, со временем грозит полное уничтожение. Тебя устроит такое положение вещей?».

— «Нет, — не задумываясь, ответил Сикорцев, — не устроит. И что я должен буду сделать для этого?».

— «Ты врач, который пытается лечить людей, изменяя их психику. Мы усилим твои возможности, и ты создашь у себя ячейку из последователей наших идей, отбирая их так, как был отобран ты сам».

— «Это интересно! Как же был я отобран? По каким признакам?».

— «Ты ещё не знаешь, что мозг любого мыслящего существа излучает электромагнитные волны. Наш прибор на земле настроен на их определённую частоту таким образом, что позволяет отобрать только те экземпляры вашего вида, которые быстрее всего воспримут наши идеи. Твоя задача состоит в том, чтобы собрать их вместе, организовав тайное общество, где ты сам будешь проповедником этих знаний. Потом мы заберём

этих адептов, вложим в их головы дополнительные знания, убеждения и расселим по вашей планете с тем, чтобы они готовили общество к будущим контактам с представителями нашей расы.

Это долгий путь. Весьма вероятно, что ни мне, ни тебе при жизни так и не удастся увидеть результаты этой работы. Свою ячейку ты назовёшь «Мёртвая Луна».

— «А почему так мрачно? Почему не «Живая Луна»?»

д'Ункас тяжело поднялся из-за стола и подошёл к окну. Сикорцев, глядя на учёного, подумал, что тот уже далеко не молод.

— «Подойди сюда, человек», — сказал д'Ункас.

Сикорцеву ничего не оставалось, как подойти к нему. Вблизи стал ощущаться лёгкий лимонный запах, исходивший от этого существа.

— «Посмотри на нашу луну», — произнёс он.

За окном стояла глубокая ночь. Где-то очень далеко виднелись очертания гор. На тёмно-фиолетовом небе блистали россыпью созвездия незнакомой конфигурации. Центр галактики — Млечный Путь — был более плотным и занимал большую часть небосвода. Слева в нижней части его была видна полная луна. Её диаметр был чуть больше земного спутника. Тёмные пятна на ней создавали видимость

человеческого черепа. Сикорцев сразу вспомнил то самое видение, принятое им за сон, когда ему пришлось видеть этот же пейзаж, но только при более ярком освещении. Впрочем, луна была тогда в точности такой же, похожей на человеческий череп. Тогда он решил, что это просто интересный сон.

— «Великая женщина ушла от нас необычным образом», — продолжил свой рассказ д'Ункас. — «Однажды ночью д'Мирта собрала в этом здании своих ближайших соратников и изложила им свой план действий на много лет вперёд. Он был представлен в виде книги, на обложке которой был оттиск в форме той луны, что ты только что видел. Должен сказать, что до этого момента лик нашего спутника имел однородный светлый тон.

Закончив свою речь, д'Мирта положила книгу на специальную подставку, где она покоится и в настоящее время. И в этот момент со стороны небес раздался ужасающий грохот. Небо осветилось тысячами огней. Наша планета неожиданно подверглась метеоритной атаке. Тогда были разрушены многие города, погибли миллионы жителей. Здание храма же уцелело. Но когда собравшиеся пришли в себя, они обратили внимание, что д'Мирта исчезла. Только на подставке лежала оставленная ею Книга, вокруг которой было замечено слабое свечение. Там она

покоится и по сей день. Но миллионы её копий лежат на почётных местах в каждом доме. Отбывая домой, ты тоже получишь экземпляр этой Книги. Умение прочесть её текст будет заложено в твою голову.

Когда улеглась пыль, поднятая осколками упавших на планету небесных камней, все увидели, что наш спутник изменил свой облик. С тех пор мы называем его Мёртвая Луна как символ ушедшей от нас Святой д'Мирты. Мы верим, что она жива и находится в чертоге Конструктора. Как и твёрдо уверены в том, что произошедшее тогда с нашей планетой, это результат противостояния Конструктора и Разрушителя».

Они вернулись за стол.

— «У тебя немного времени», — сказал д'Ункас. — «Возможности наших устройств ограничены, и мы не можем удерживать твоё сознание здесь сколь угодно долго. Ты вернёшься домой, изменишь место своей работы и вскоре уедешь в другой город. Под его холмами находится построенная нашими инженерами база. С помощью скрытых там устройств ты сможешь переправить сюда для обучения и последующего расселения по Земле подготовленных тобою людей. Инструкция к действию будет также вложена в твою голову вместе с новыми знаниями и возможностями.

Мне кажется, я всё сказал. Прощай, человек.

Вряд ли мы с тобой сможем больше увидеться. Я стар, и мне скоро суждено будет отправиться на суд к Конструктору».

Он положил руку на стоящий перед ним шар, и Сикорцев, не успев сказать слова прощания, ощутил, как та же колоссальная сила выхватила его и ставшего уже привычным интерьера комнаты и швырнула в ледяную бесконечность.

Очнулся Виктор Павлович у себя в постели. На столе рядом с кроватью слабо светился хрустальный шар в бронзовом обрамлении, напоминая, что всё произошедшее с ним вряд ли могло быть просто сном. Сикорцев знал, что сегодня уволится с работы в больнице для психически нездоровых людей и вскоре получит новую должность в университетской лаборатории, которую организует молодой столичный профессор, получивший кафедру психиатрии. Потом пройдёт время, и он уедет на юг, где в новом городе, раскинувшемся на гранитных холмах вдоль широкой реки, его ждёт то, для чего он предназначен силами свыше.

7.

Даша слушала рассказ Виктора с нескрываемым удивлением. Этот человек только что раскрылся перед ней с иной, совершенно

непривычной стороны. Оказывается, он в своей жизни соприкасается с такими вещами, о которых даже помыслить не каждый сможет.

— Скажу сразу, — наконец заметила девушка, — что мне категорически не нравится образ мыслей этого д'Ункаса, как ты его называешь.

— Отчего же, позволь узнать?

— Оттого... Не нравится и всё тут... И как часто ты общаешься со своими инопланетными друзьями? — спросила она, взяв его за руку.

— Не часто, — ответил Сикорцев, целуя её пальчики, — я бы даже сказал, что крайне редко. Мне кажется, что это устройство — я называю его хрустальный шар — самостоятельно вкладывает в мою голову нужные мысли, определяет поступки.

— Ты хочешь сказать, что я появилась в твой жизни тоже благодаря хрустальному шару?

— Ну, уж нет! — рассмеялся Виктор. — Это, скорее, божья благодать, знак свыше, а не действия механизма, пусть даже такого сложного.

— Но тебе удалось создать тайную ложу с этим жутковатым названием?

— Да, такая ложа создана. Число членов её пока невелико, но со временем, я полагаю, их станет больше. Дело в том, что шар реагирует только на тех моих пациентов, частота мозгового излучения которых совпадает с его собственной. А

это, увы, происходит не часто. Вот на тебя, например, он не реагирует вовсе.

— Жаль... Получается, что я не могу присутствовать на ваших мессах?

Было видно, что Сикорцев не ожидал такого вопроса и колеблется, но, наконец, он произнёс:

— Отчего же, дорогая, ты можешь присутствовать на наших собраниях, или мессах, как ты их называешь, если тебя это заинтересует.

— Конечно мне интересно, как и всё, что происходит вокруг тебя. И как часто происходят ваши собрания?

— Не часто. Мы собираемся, примерно, один раз в месяц. Для встреч нами куплен дом неподалёку отсюда. Там имеется подземный тоннель, в который впадает небольшая речушка, текущая по дну Жандармской балки. В этом тоннеле, на его берегу, мы обычно заканчиваем наши встречи.

— О, Господи! А почему именно там, в подземелье?

— Этого я не знаю, но так мне было велено посредством шара. В этом месте имеется что-то вроде вытянутой площадки, а на стене перед ней я белой краской собственноручно нарисовал облик той самой Мёртвой Луны, какую мне довелось увидеть на Тамире. Впрочем, тебе, радость моя, там бывать вовсе не обязательно.

Виктор привлёк девушку к себе и осторожно поцеловал в тёплую, пахнущую лавандой щёчку. Даша вдруг отстранилась и прижала ладонь к губам. Лицо её побледнело, было видно, что девушке нехорошо.

— Что с тобой, родная? — испуганно спросил Сикорцев.

Даша не ответила, поднялась и быстрым шагом, почти бегом, бросилась к туалетной комнате. Было слышно, как там её несколько раз вырвало. Прошло минут десять пока она снова показалась в гостиной. Девушке явно нездоровилось, она тяжело дышала.

Сикорцев подошёл к ней, взял за плечи и развернул лицом к себе:

— Что происходит? Ты случайно не больна ли, моя дорогая?

Даша неуверенно пожала плечами:

— Да нет... Я, в целом, хорошо себя чувствую. Вот только иногда беспричинно накатывают приступы тошноты. А сегодня и вовсе дошло до рвоты... Не пойму, что со мной происходит... Всё время запахи какие-то чудятся, постоянно хочется чего-нибудь необычного. Вчера, к слову сказать, едва смогла оторваться от квашеной капусты с луком. Ты же врач, скажи, что бы это всё значило?

Виктор усадил девушку в кресло и задумчиво

прошёлся по комнате, ощупывая подбородок:

— Прости, что спрашиваю о таких вещах, но как у тебя обстоят дела с регулярными женскими неприятностями?

Даша ненадолго задумалась, но потом неуверенно ответила:

— Ты прав, вот уже два месяца как я не знаю, что это такое... То есть ты хочешь сказать...

— Да, — прервал её Сикорцев, — по-моему, ты беременна. Все симптомы налицо. Я очень прошу тебя сходить в земскую больницу и показаться доктору Штокману. Борис Львович хороший специалист, и он точно поставит диагноз. Я напишу ему записку, и прошу тебя, не стоит тянуть с этим делом.

На следующий день Даша навестила врача, и тот подтвердил её худшие подозрения: она была на втором месяце беременности. Об этом предстояло известить тётушку, и девушка была в ужасе. На все уговоры Сикорцева пойти, во всём признаться и просить руки с тем, чтобы готовиться к свадьбе, она ответила отказом, прося подождать, пока она привыкнет к этой мысли. На том и порешили.

Тётушке же решено было сказать, что Даша станет посещать курсы при больнице для барышень, решивших стать впоследствии сёстрами милосердия. Так можно было раз в месяц беспрепятственно покидать дом по вечерам.

Вскоре наступило лето. Вместе с ним пришла жара, и город неожиданно залили нескончаемые дожди. Даша успела посетить всего два собрания тайной ложи под названием «Мёртвая Луна», к которому она никак не могла привыкнуть. Членов тайной организации оказалось немного, человек двенадцать. Это, в основном были солидные, уважаемые в городе люди, и было странно слышать их рассуждения о новом устройстве общества, об опасности вольнодумства, о высоком предназначении мыслящих существ, которое заключалось в служении Творцу.

Последнее собрание, на которое она пришла, было тринадцатым по счёту. Она поняла, что от него Сикорцев — он же Мастер для членов ложи — ждал чего-то особенного. Он не хотел, чтобы Даша присутствовала на нём, но девушка настояла на своём, сказав, что после этого они во всём признаются тётушке и будут просить её благословения. В ожидании этого момента она волновалась и с трудом дождалась окончания собрания.

К вечеру дождь прекратился, и члены ложи в ожидании окончательного акта стояли возле дома, негромко обсуждая превратности погоды. Вскоре появился Мастер. Он велел мужчинам разобрать факелы, и нестройной колонной все двинулись к тоннелю. Даша шла последней. У входа в

подземелье Мастер остановился, пропуская мимо себя членов ложи. Каждый из них касался правой рукой шара в руке Мастера и исчезал в чёрном проёме, куда, журча, втекала мутная от дождей речушка.

Даша тоже собиралась войти внутрь, но Виктор неожиданно остановил её:

— Останься здесь, — произнёс он негромко. — Я не знаю, как пойдёт всё дальше, но и остановиться уже не могу. Возьми шар, положи его в сумку и жди меня здесь. И, прошу тебя, не нужно перечить.

Жестом Сикорцев остановил пытавшуюся возразить девушку, поцеловал её и шагнул в тёмный проём тоннеля. Даша отошла чуть выше от входа в тоннель и стала ждать в тени невысокого дерева. Прошло пять, десять, пятнадцать минут, и она вдруг с ужасом поняла, что сейчас должно произойти нечто непоправимое, что-то такое, отчего её жизнь изменится и никогда не станет такой, о которой они вдвоём мечтали ещё вчера. В этот момент она явственно услышала как в вечерней тишине раздался негромкий, но мощный металлический щелчок, а секунды спустя из подземелья, заполнив всё его сечение, хлынул наружу мощный поток прозрачной воды.

Даша стояла на возвышенности, и подкатившаяся вода лишь слегка смочила туфли. Её

уровень быстро пошёл на убыль, и вскоре перед обезумевшей девушкой снова чернело безмолвное отверстие тоннеля. Она ещё какое-то время ждала, что из подземелья покажутся люди, Виктор, хотя прекрасно понимала, что остаться в живых там ни у кого не было ни малейшей надежды.

Не помня себя, девушка пришла домой, не отвечая на вопросы испуганной тётушки, позволила себя раздеть и провалилась не то в глубокий сон, не то в затяжной обморок. На следующий день она рассказала обо всём, включая свою беременность. Они вместе поплакали, стало легче. Нужно было как-то жить дальше. Спустя шесть месяцев Даша родила девочку, которую назвала Викторией.

6.

Этой ночью мне приснился удивительный сон. В нём я видел себя сидящим, обхватив колени, на невысоком холме, который одиноко возвышался над степью. Видимое пространство передо мной вплоть до горизонта было укрыто мягким ковром из ковыля, отливающего серебром при свете огромной луны. Всё вокруг было залито её призрачным, ощутимо вязким светом. Было тепло, пахло травами и ещё чем-то, похожим на запах песка летним днём на берегу реки. У самого края неба переливалась всевозможными оттенками белого огромная звезда.

Низко над головой мерцал Млечный Путь.

Я чувствовал себя бесконечно малой песчинкой в этом застывшем безмолвном мире. Пятна на лице луны причудливым образом расположились так, что она напоминала застывшее в отчаянном крике женское лицо. И это вносило дисгармонию в очарование глубокой ночи, заставляло думать о причине испуга небесного создания. Вдруг от лунного диска отделилась белая точка. Она вскоре зависла над степью, а затем медленно стала приближаться ко мне. И вот спустя короткое время в нескольких метрах от пригорка, на котором я сидел, стал явственно виден зависший в воздухе человеческий череп. Он был полупрозрачен и казался вырезанным из янтаря. Его оскал постепенно перешёл в подобие улыбки, и видение исчезло.

Я проснулся. Часы на стене показывали три часа ночи. Рядом безмятежно спала Даша. За окном царила глубокая ночь середины июля. Лунный свет залил окрестности. Отчётливо были видны дома на противоположном берегу реки. Ярко в сумраке ночи выделялась маковка церкви на острове.

Я пошёл на кухню, достал из холодильника бутылку «Моршинской», мелкими глотками выпил стакан холодной воды. Недавний сон не уходил из памяти: интересно, что он мог означать? Я внимательно отношусь к нюансам своего сознания.

В его глубинах ничего не возникает беспричинно и ничто бесследно не исчезает. Увиденное во сне определённо привязано к реальным событиям, но к каким? К тем, что уже состоялись в прошлом, или к тем, что ещё только формируются?

Не найдя ответы на эти вопросы, я вернулся в спальню, аккуратно освободил от Дарьи свою половину кровати и вскоре уснул.

Следующим днём оказалась среда. Обычно это самый напряжённый, пиковый день недели: понедельник, задающий ритм работе уже забыт, а пятница, когда все маются в предвкушении выходных, ещё впереди. Даша упорхнула к себе в архив, испросив для этого «Гуарег», к которому стала незаметно привыкать. Это обстоятельство последние месяцы всё чаще заставляет меня всерьёз подумывать о том, а не приобрести ли моей подруге какой-нибудь более женский вариант транспортного средства. В принципе, она уже довольно уверенно чувствовала себя на оживлённых улицах мегаполиса. Думаю, в эту субботу стоит проехаться с ней по автосалонам и подобрать что-нибудь в соответствии с её вкусом.

Я весь день провёл за компьютером, ликвидируя завалы работы, незаметно образовавшиеся за несколько последних месяцев. Ближе к вечеру последние материалы были отправлены в редакции, и можно было вздохнуть с

чувством заслуженного удовлетворения. Впрочем, вздохнуть не совсем получилось, поскольку вот-вот должна была появиться Даша, а вслед за ней и кто-нибудь из нашей компании. Вероятность последнего события была очень велика, принимая во внимание, что моя квартира как-то незаметно превратилась в рабочий салон нашего Клуба. Его члены полагали естественным появиться здесь в любое удобное для них время. Странно, но это не напрягало. Наверное потому, что большую часть забот об удобствах наших гостей незаметно приняла на себя Дарья.

Далее всё происходило в полном соответствии с моими предположениями: вначале пришла Даша с пакетом продуктов в руках, а за ней одновременно материализовались Успенцев и Собко с таким же пакетами. Лёшка был как всегда деловито — весел, а вот Собко заметно озабочен, что сразу бросилось в глаза.

— Что, Саша, проблемы на работе? — спросил я, когда мы расположились за обеденным столом.

— Да, есть немного, — отозвался он, сосредоточенно накладывая себе салат в тарелку, — какая-то чертовщина происходит, даже понять не могу...

— Так изложи подробнее, — подхватил разговор Алексей, — не держи в себе негативные

эмоции, мой друг. Они, как однозначно доказано британскими учёными, укорачивают нашу и без того не такую уж долгую жизнь. Тем более, что всякая, как ты выразился, чертовщина как раз по нашей части. Давай, колись, что там не ладно в датском королевстве?

Собко отложил в сторону нож, задумчиво потёр подбородок:

— Ну, хорошо, излагаю... Пару дней назад к нам в отдел пришла девушка с заявлением о том, что исчез её парень. Заявление, естественно, было принято, но особого внимания ему никто уделять не собирался: мало ли куда в сексуально озабоченном возрасте пропадают парни и девушки. Обычно проходит два-три дня, и пропавшие с виноватыми физиономиями и какой-то степенью раскаянности в душе возвращаются, объясняя произошедшее тем, что чёрт, мол, попутал.

Так, повторяюсь, бывает обычно, но, как оказалось, не в этом случае. На следующий день таких заявлений уже было с десятков, и сейчас они продолжают прибывать. Причём, в числе пропавших были люди разного возраста: от молодых людей до весьма почтенных граждан. То есть объяснить это явление гормональным всплеском уже было не просто. Я лично озаботился этой проблемой и выяснил следующее. Все эти люди посещали какую-то очень закрытую секту под

названием — внимание, коллеги — «Мёртвая Луна».

В этот момент я сразу же вспомнил свой сон, в котором всё виденное мною было залито лунным светом, и в котором от диска Луны отделился и приблизился ко мне человеческий череп, словно вырезанный из цельного куска оранжево-коричневого янтаря. Интересно, что означала его попытка изобразить улыбку на костях, лишённых мышц?

— Интересное название, не находите? — продолжал свой рассказ Собко. — Мне тоже так показалось. Причём, только двое из заявителей смогли припомнить это название. Остальные просто говорили о том, что пропавшие посещали какое-то закрытое общество. Чем они там занимались, никто не знает. И лишь сегодня одна девушка рассказала о том, что лично ей пришлось увидеть позавчера вечером. Вспомните, тогда же случился тот ужасающий ливень, после которого оказалась затопленной вся центральная часть города.

Девушку зовут Ксения Куприянова, и она принадлежит к тому типу восторженных девиц, которые любят в одиночестве наблюдать в каком-нибудь совершенно непригодном для этого месте нечто трепетное, например, лунное сияние. Так случилось и в этот раз. Девушка в

ожидании полнолуния облюбовала пригорок, скрытый в зарослях неподалёку от того места, где невзрачная речушка, текущая по дну Красноповстанческой балки, скрывается в старом канализационном тоннеле. Я был там и скажу откровенно вам, господа, что это последнее место, которое мне захотелось бы выбрать для того, чтобы в одиночестве предаваться розовым мечтам.

Девушка рано осталась без родителей и её воспитанием занималась бабушка. Дом, в котором они живут, старой постройки и расположен неподалёку от того места, где находится вход в подземные тоннели. Кстати, заявить об увиденном в полицию, Ксению заставила та же бабушка, когда почти двое суток спустя девушка, придя в себя, решила рассказать ей о том, что она увидела в балке тем вечером. И основной причиной, побудившей отправить внучку в полицию, было то, что в детстве её мама, то есть прабабушка Ксении, рассказывала похожую историю.

— Не томи, Саша, — не выдержал Успенцев, — так что же довелось увидеть нашей впечатлительной девушке?

— Да, извини за подробности, мне кажется, они имеют значение. Так вот, Ксения уже любовалась полнолунием, когда на тропинке, идущей сверху к речушке, показались люди. Их было человек пятнадцать, может чуть больше. Они

собрались у входа, надели на себя синего цвета плащи с капюшонами, расписанные полумесяцами, и зажгли факелы. Руководил ими мужчина лет пятидесяти. На нём в отличие от всех был плащ чёрного цвета. В правой руке он держал какой-то слабо светящийся шар.

Она, испугавшись, сидела, не шевелясь, и не слышала, что он говорил этим людям, показывая время от времени на лунный диск. Потом они касались шара и один за другим вошли в тоннель. Последним туда вошёл человек в чёрном плаще. Какое-то время девушка ещё видела слабый отблеск света от факелов, а потом и он исчез.

Ксения не смогла объяснить, почему она сразу же после этого не ушла прочь. Что-то необъяснимое, по словам девушки, удерживало её. И вот спустя буквально минут десять после того, как эти люди ушли в подземелье, вдруг на совершенно чистое небо неизвестно откуда набежали мрачные низкие тучи, засверкали молнии, раздались раскаты грома. После этого на землю с небес обрушились потоки воды. На глазах испуганной и насквозь промокшей Ксении вода в речушке стала быстро прибывать, она вздулась, причём как-то странно, со стороны тоннеля, который вскоре оказался полностью заполненным бурлящим потоком.

Ливень прекратился так же внезапно, как и

начался. Девушка вдруг отчётливо осознала, что те люди, которые ушли под землю, непременно должны были погибнуть. Эта мысль привела её в ужас. Она нашла в себе силы подняться с земли и бежать домой. Рассказать бабушке об увиденном, как я уже говорил, она решилась только спустя два дня.

Вот такая тёмная история, дорогие коллеги. Что скажете?

Все за столом молчали, переваривая услышанное. Первой подала голос Даша:

— А ты был там, в тоннеле?

— Да, я был там незадолго до прихода сюда. Серьёзное сооружение, доложу вам. Даже предположить не могу, зачем нужно было строить такое две сотни лет назад. Мы с ребятами прошли тоннель от входа до выхода и не обнаружили ни малейших признаков того, что в нём находились люди, которых видела Ксения. Сейчас там всё обследуют повторно, уже с максимальной тщательностью. Не может быть, чтобы не осталось хоть чего-то: те же плащи должны были зацепиться за различные выступы, факелы, личные вещи. Водолазы также обследуют примыкающий участок реки на предмет обнаружения тел. Но пока ещё не звонили, видимо не о чем говорить...

В этот момент я вспомнил свой путь по тоннелю с жёлтым саквояжем в руках. В памяти

отчётливо всплыли фрагменты моего ночного путешествия: высокая кирпичная кладка в форме свода, чистый неширокий поток воды, местами запруженный скопившимся мусором, искрящиеся в луче фонаря струи воды из отверстий в стенах, застывшие в испуге крупные крысы с изумрудными глазами, какие-то знаки на стенах... Да, это точно были буквы и цифры, на которые я тогда не обратил внимание. Интересно, кстати, кем и с какой целью они были оставлены? Нужно будет непременно туда вернуться и осмотреть стены более тщательно.

О моём ночном визите в дом с ухмыляющимся сатиром над входом я пока ещё никому не рассказывал. Причиной тому было необычное даже по нынешним меркам содержимое саквояжа. Оно требовало времени для осмысления и принятия разумного решения. Следовательно, в тоннель я наведаюсь ещё раз и снова в одиночестве. Думаю, лучше это сделать, когда минует полнолуние. Рассказ Собко и мой сон как-то пробуждали не самые оптимистичные ассоциации в отношении этой фазы земного спутника и всего, что с ней было связано.

Задумавшись, я не участвовал в разговоре и очнулся только после того, как Лёшка озабоченно спросил:

— Эй, Игорёк, очнись! Ты в порядке?

— Да, — пришёл я в себя, — всё нормально. Просто задумался...

— О чём, интересно? Я напоминаю вам, господа, что, как правило, подобное состояние овладевает Игорем перед тем, как наш журналист пускается в очередную авантюру, из которой мне же и приходится впоследствии его же вытаскивать.

— Ну, положим, не каждая моя, как ты выражаешься, авантюра заканчивается печально, — возразил я. — Были и благополучные исходы...

— Нет, Даша, ты слышишь, как он это сказал: были и благополучные исходы! Бывали, дескать... Но и в самом деле, не всё же время быть им печальными...

— Алексей, перестань! — прервал я Успенцева. — Тебя послушать, так я уже и задуматься не могу без того, чтобы не попасть в очередную неприятность. Пре длагаю лучше подумать о том, куда без следа могла исчезнуть немалая группа людей в центре города.

— Сдаюсь, — поднял руки Лёшка, — сдаюсь и раскаиваюсь в своём беспардонном наезде. Но, Дашенька, я очень прошу тебя присматривать за этим субъектом очень внимательно: я ведь знаю его последние лет сто...

— Хорошо, я займусь Игорем, — улыбнулась моя подруга так, что обычно окружающим становилось ясным: замечание достаточно глубоко

засело в её хорошенькой головке.

— Да, — подал голос Собко, — так всё-таки, что будем делать с моими пропавшими горожанами? Есть какие-то идеи, планы?

В комнате воцарилось молчание, все обдумывали услышанное. Нарушила тишину Даша:

— Это ведь недалеко от того места, где находится тот самый дом с сатиром? — произнесла она задумчиво. — И выход из подвала, насколько я помню, тоже был в старый подземный тоннель...

— И что из этого? — спросил Успенцев, сосредоточенно наливая себе очередную чашку кофе.

— Да, собственно, ничего. Просто вспомнилось это место. Какое-то оно, не могу даже определение подходящее подобрать, потустороннее, что ли...

— Да уж, — поддержал её Лёшка, — место, прямо сказать, не для романтических посиделок под луной. А, кстати, почему эта секта поехавших крышей людей имела такое название: «Мёртвая Луна»? Оптимизмом от такого названия тоже как-то не веет, не находите?

— Я поищу в наших архивах, — сказала Даша, — там могут сохраниться какие-то следы того времени. Мне кажется, если мама бабушки этой романтической девушки что-то рассказывала о подобных событиях, то это должен быть где-то

конец девятнадцатого века. Ты, Саша, с самой бабушкой-то не беседовал по этому поводу?

— Нет ещё, но ты права, нужно будет непременно с ней поговорить. Всё как-то было недосуг.

— Слушай, Саша, — вмешался я, — у вас сейчас, насколько я понимаю, напряжёнка со временем. Давай я завтра с утра к ней подъеду и переговорю, если ты не возражаешь, разумеется.

— Да, ради Бога, Игорь! Конечно же езжай и пообщайся со старушкой. Это будет во всех отношениях полезно и официальному следствию, и, кстати, нашему Клубу тоже. Давно что-то мы не занимались частными расследованиями, навыки теряем, господа.

— Хорошо, — поддержал Успенцев, — я тоже посмотрю по ментовским базам в отношении сект нашего края. Вдруг там всплывёт знакомое название: «Мёртвая Луна». Интересно, кстати, отчего это она, вдруг, мёртвая? Обычно, насколько я знаю, с Луной связаны совершенно иные и, как правило, куда более лирические прилагательные. Не знаешь, Игорёк?

— Не знаю... Возможно всё дело в контрасте: Солнце, излучающее тепло, это символ живого, Луна же, которая светит не своим, а отражённым, холодным светом — мёртвого. Хотя, согласен, странное словосочетание... Я тоже никогда не

встречал такого. Пороюсь в интернете, в архиве редакции, может удастся что-то накопать.

— Хорошо, дружище, поищи.

С этими словами Успенцев поднялся, потянулся всем телом и произнёс:

— Друзья мои, пора и честь знать. Завтра на работу, а дома на сон грядущий ещё ждут кое-какие дела. Предлагаю разойтись по-хорошему.

Собко тоже вышел из-за стола:

— Да, ты прав: пора по домам. На завтра, как я понимаю, всё определено, каждый из нас займётся своим делом, но как насчёт вечера? Что скажете?

— А давайте здесь же часов в семь вечера? — предложила Даша. — Ты ведь не против, Игорёчек? Кстати, я расскажу обо всём Владу. Пусть наш Библиотекарь тоже озаботится по поводу граждан, бесследно исчезающих в подземельях нашего города.

Я не возражал, и на этом мы расстались.

Этой ночью за окном в небе висела огромная Луна. Её мягким светом были залит город, река, острова на ней. Над золотистым куполом церквушки был ясно виден православный крест. Форма пятен на лице нашего спутника была привычной, ночное светило не внушало страха засыпающим жителям мегаполиса.

Я долго лежал, вспоминая наш вечерний разговор. Рядом, прижавшись к моему левому

бицепсу, тихонько посапывала Даша. Тревожное чувство, родившееся прошлой ночью, не исчезло. Более того, во мне крепла уверенность в том, что впереди меня ожидает нечто, выпадающее из ряда обычных событий.

7.

На следующий день я решил навестить бабушку Ксении, которая что-то слышала в своей юности о похожих событиях, связанных с исчезновением людей в подземном тоннеле. Адрес дома, где они проживали, поутру сбросил мне Собко. Спустя полчаса неспешной ходьбы передо мной оказалось трёхэтажное здание старой постройки. Его фасад, выходящий на одну из центральных улиц, был явно восстановлен не так давно. Вычищенные кирпичи благородного тёмно-красного цвета образовывали искусно выложенную кладку. Приведённый в порядок дом определённо мог простоять ещё долгое время.

Пройдя через арку, я оказался в небольшом уютном дворике. Старые тенистые деревья, кусты сирени, беседка среди них. На скамейке сидели, беседуя, две старушки. На мой вопрос, здесь ли живут Куприяновы, они охотно объяснили, что такие действительно живут в этом доме, на втором этаже в квартире номер шесть. Бабушка очень

стара, ей уже более девяноста лет, и по этой причине она не выходит на улицу, но посетителей охотно принимает у себя.

На мой звонок вскоре послышались шаркающие шаги, дверь отворилась, и я увидел опирающуюся на трость невысокую старушку. Причёска, платье, выражение глаз — всё говорило о том, что передо мной интеллигентная женщина без малейших признаков возрастных недостатков.

— Добрый день! — произнёс я. — Простите, вы бабушка Ксении?

— Да, — ответила она, — чем могу служить, молодой человек?

— Позвольте представиться: меня зовут Игорь Зарубин. Я журналист и хотел бы побеседовать с вами о некоторых событиях, которые происходили в городе во времена юности вашей бабушки.

— Я должна знать о них?

— Да, по крайней мере так утверждает ваша внучка.

— Ах, вот вы о чём! Хорошо, проходите в дом, снимать обувь не нужно.

Мы прошли в гостиную и остановились у круглого стола. Покрытый льняной скатертью бежевого цвета, он стоял посередине комнаты. Вокруг него располагались четыре стула, пришедшие сюда, как мне показалось, из того времени, когда ещё была жива бабушка стоящей

передо мной женщины. Центр стола украшала изящная хрустальная ваза, у которой застыли крупные ромашки.

— Простите, я не представилась, — сказала она, отчётливо выговаривая слова, как это свойственно учителям русской словесности, — меня зовут Варвара Ивановна.

— Рад знакомству, Варвара Ивановна.

— Присаживайтесь, молодой человек. Я приготовлю нам чай, это не займёт много времени.

— Спасибо, но, право же, не стоит так беспокоиться: я не займу у вас много времени.

— Игорь, я могу вас так называть?

— Конечно, буду только рад.

— Так вот, Игорь, у меня редко бывают посетители. Годы, знаете ли... Мои сверстники уже в лучшем мире, а я как-то зажила. Да и внучка ещё, к слову сказать, не очень приспособлена в этой жизни. Одним словом, я рада гостям, рада возможности просто поговорить, а тем более, что разговор пройдёт о давних событиях, связанных с нашей семьёй. Поэтому прошу вас немного поскучать, пока я накрою на стол. И прошу вас не возражать женщине, годящейся вам в бабушки? — строго добавила она.

Я улыбнулся:

— Не смею перечить, Варвара Ивановна! Возможно, я могу чем-то помочь вам?

— Пожалуй да, сможете. Я попрошу вас достать из серванта вон тот парадный сервиз в бело-синих тонах и ложечки из ящика внизу. Сервируйте стол на троих: кто знает, вдруг вернётся Ксения. Она составила бы нам компанию. Вы, кстати, женаты, Игорь?

— Нет, не женат, но имею подругу, которой собираюсь вскоре, как говаривали в ваше время, предложить руку и сердце.

— Жаль... Вы бы составили хорошую партию моей Ксении. Передайте поздравления вашей подруге. Сейчас, насколько я понимаю, стало не просто отыскать надёжного мужчину. Мне кажется, вы из их числа. И мой совет вам: не откладывайте на потом предложение руки и сердца. Вам уже давно пора иметь собственных детей.

— Спасибо за совет и оценку, Варвара Ивановна. Не думаю, что всё обстоит так критично в наше время, и, тем не менее, я задумаюсь над вашими словами. Но, простите, как можно вот так быстро вникнуть в суть незнакомого вам человека?

— О, молодой человек! Когда проживёте столько, сколько довелось мне, то, поверьте, вам даже не понадобится говорить с визави для того, чтобы составить мнение о том, кто находится перед вами. Достаточно будет только взглянуть на него, и вы по выражению лица, по глазам и манерам сразу сможете сделать правильные выводы. Но вернёмся

к чаю: я иду на кухню, за вами, Игорь, сервировка. Окликните меня, если что-то будет не ясно.

Спустя короткое время мы сидели за столом, на котором стояли чашки с ароматным чаем, в розетках вкусно пахло вишнёвое варенье, в вазочке высилась горка домашних пирожков с яблочным повидлом.

— Так о чём бы вы хотели узнать, Игорь? — спросила меня Варвара Ивановна. — Что вас интересует?

Я аккуратно поставил чашку на блюдец:

— Вы знаете, что произошло с вашей внучкой. В полиции Ксения сообщила, что это вы её направили к ним, сказав, что слышали о подобных событиях в прошлом. Не могли бы рассказать мне, что это были за события и откуда вы знаете о них?

Женщина задумчиво покачала головой, видимо, что-то вспоминая, а затем поднялась и подошла к комоду, стоявшему в углу комнаты. К столу она вернулась с большим альбомом в руках. Его обложка была обтянута каким-то материалом, похожим на тёмно-красный бархат. В таких обычно хранятся, а вернее сказать, когда-то хранились семейные фотографии. Сейчас этот симпатичный анахронизм медленно, но необратимо уходит в прошлое.

Варвара Ивановна раскрыла альбом:

— Взгляните, Игорь, это моя мама.

На меня с чёрно-белой белой фотографии пристально смотрела женщина. Я бы добавил — красивая женщина в стиле давно ушедшего времени. Причёска, поза, и даже выражение глаз были не свойственны нынешнему поколению людей. Меня всегда поражал этот феномен: выражение лиц людей, разнесённых во времени, разделённых катастрофическими событиями, такими как война или революция.

— Сколько лет здесь вашей матери? — спросил я.

— Она родила меня по меркам тех лет уже будучи довольно взрослой женщиной. Ей тогда было уже около тридцати пяти. На этом снимке она за год до моего рождения. А вот чудом сохранившийся снимок моей бабушки — Дарьи Никитиной. Посмотрите, как она была хороша...

Да, на удивительно хорошо сохранившемся снимке была изображена совсем ещё молодая девушка в изящной шляпке. Она улыбалась, и всем было понятно, насколько ей хорошо в этот момент, когда фотограф снимает её, пообещав птичку, которая сейчас вылетит из его громоздкого аппарата. Я даже поймал себя на том, что невольно задержал дыхание, глядя на это олицетворение красоты и молодости. Было какое-то неуловимое сходство между этой женщиной, давно ушедшей из

нашего мира, и моей Дашей. Удивительно, но совпадали даже имена.

— Что скажете, молодой человек? — привела меня в чувство Варвара Ивановна.

— Скажу, что ваши и мама, и бабушка были на редкость красивы. В особенности бабушка... Но вы на моём месте были бы так же удивлены тем, насколько моя девушка похожа на вашу бабушку. У них даже имена одинаковы...

— Что вы говорите? Это интересно... Хотя о родстве здесь вряд ли может идти речь. Моя бабушка родом из Москвы, в нашем городе она оказалась случайно, после смерти отца. Об этом я знаю от своей мамы, а бабушку, увы, я не застала. Она рано ушла из жизни. Так вашу девушку зовут Дарьей? Она родом из нашего города?

— Да, именно так. Её прабабушка совершенно точно родилась здесь. Будет возможность, я вас непременно познакомлю, если вы, разумеется, не против.

— Конечно, буду очень рада взглянуть на копию мой бабушки. Непременно приводите к нам вашу девушку.

— Хорошо, я так и сделаю. Но вернёмся к причине моего визита: так что же рассказала ваша мама, и как это связано с тем, что довелось увидеть Ксении?

Варвара Ивановна задумалась, собираясь с

мыслями, а затем рассказала следующее.

— Незадолго до своей смерти мама нарисовала мне наше генеалогическое древо. Из него следовало, что по женской линии мы принадлежим к довольно старому дворянскому роду, корни которого тянутся во времена Ивана Грозного. Отец моей бабушки — Дарьи Никитиной — был последним из мужчин в этой цепочке. Известный адвокат, он умер в Москве, судя по всему, в результате инсульта.

Даша тогда только окончила гимназию. Родственников в столице у неё не оказалось, и сестра отца предложила какое-то время пожить у неё, в нашем городе, который тогда бурно развивался. Девушка согласилась временно переехать к нам на юг, в Новороссию. Знаете, как это бывает: рассчитываешь, что это явление, связанное с тобой, временное, а потом оно оказывается совершенно иным, навсегда связанным с твоей жизнью. Так случилось и с моей родственницей.

Её вдовствующая тётя была человеком состоятельным, и Дарье не нужно было думать о том, как зарабатывать себе на жизнь. Вскоре после приезда она знакомится с мужчиной. Он тоже оказался в нашем городе не так давно, переехав сюда, если не ошибаюсь, из Казани. Судя по отчеству, которое досталось при рождении маме,

его звали Виктор. Кроме того, что он работал врачом, ничего более не известно.

Правда мама говорила, что будто бы бабушка упоминала о необычных гипнотических способностях этого человека. Якобы он мог лечить определённые психические расстройства и даже управлять массовым сознанием больших групп людей. То есть, весьма вероятно, что Виктор мог быть тем, кого мы сейчас называем психиатрами. Кстати, я как-то просила внучку узнать из Интернета, существовала ли в те годы школа психиатрии при Казанском университете. Так вот, оказывается, что существовала, и у истоков её создания стоял ни кто иной, как сам Бехтерев. Весьма вероятно, что Виктор мог быть одним из его учеников.

Я могу только предполагать, как долго продолжалась их связь, но думаю, что не более года. Не знаю, как они умудрились столь тщательно скрывать свои отношения, но, судя по всему, её тётушка об этом не догадывалась. Только вот однажды её любимая племянница вернулась домой непривычно поздно. На улице уже который день шли дожди, и девушка оказалась насквозь промокшей. При ней была какая-то странная вещь непонятого назначения, а сама Дарья производила впечатление человека, находящегося в состоянии сильного волнения. Она невнятно говорила о том,

что где-то в подземелье исчезли люди, что их поглотила вода, и виной тому — Мёртвая Луна.

Дарью чуть ли не силой заставили принять горячую ванну, выпить ложку опийной настойки, после чего она уснула. А утром по городу поползли слухи, что в подземном тоннеле, куда стекают дождевые воды — это, кстати, совсем недалеко от нашего дома — действительно исчезло более десятка человек, среди которых называли имена известных в обществе людей. И якобы все они были членами тайной ложи, которая носила название «Мёртвая Луна».

Придя в себя, Даша рассказала обо всём тётушке: и о своей вдруг вспыхнувшей любви, и о странной ложе, которую организовал её избранник, и о его необычном увлечении тем, что он называл Вселенское Сознание, и даже о том, что лично он сам, якобы, имел контакты с иными разумными существами, создавшими где-то немыслимо далеко культ некой Мёртвой Луны. К этому культу он приобщился сам и привлёк ещё несколько людей из нашего города, которые и образовали тайную ложу с этим жутковатым названием.

Они купили дом неподалёку от речушки, впадавшей в подземный тоннель, и там под руководством избранника Дарьи общались с этими существами. Внутри тоннеля неподалёку от входа, по её словам, находилась ровная площадка, на

которой они завершали свои сеансы, призывая явиться небесных жителей. Такое явление должно было произойти на тринадцатом по счёту собрании.

Вот оно — то и состоялось, но как — то странно. Под предводительством этого Виктора члены тайной ложи направились в тоннель, и Даша пошла вместе с ними. Она шла последней, но у входа её избранник велел ей почему — то остаться, не ходить внутрь. Девушка стояла снаружи и видела как из тоннеля вдруг хлынула масса воды. От ужаса она оцепенела, а когда пришла в себя, то решила, что все, кто вошёл в подземелье, утонули. В том числе и её Виктор. Она ещё долго стояла там, наблюдая за входом, но оттуда никто так и не появился. Начался дождь, и Дарья вернулась домой.

Вот и вся история, что было потом вы знаете. Я не утомила вас рассказом?

— Нет — нет! — ответил я, с интересом слушая Варвару Ивановну. — Это всё, что вам известно?

— Ну, как вам сказать... В целом всё, не считая того, что Дарья оказалась беременна моей мамой. Это выяснилось чуть позже. Тётушка вначале была шокирована этой новостью. В те времена добрачные связи были крайне предосудительным явлением, да, признаться, я и сейчас отношусь к ним неодобрительно. Впрочем, мир вокруг нас меняется, а вместе с ним, увы,

меняются и моральные ценности. Тут уж ничего не поделаешь... Да, но поскольку тётушка очень любила свою племянницу, то быстро пришла в себя и окружила её своей заботой и вниманием. Так, спустя положенное время, на свет Божий появилась моя мама, а затем и я.

Игорь, прошу вас, ешьте мои пирожки. Поверьте, нигде более вы не найдёте таких вкусных: их выпечка это моя тайная гордость.

Я улыбнулся:

— Спасибо, Варвара Ивановна! Я уже незаметно съел несколько штук и потрясён их вкусом: никогда не ел ничего подобного. Скажите, вы упомянули, что вернувшись тогда домой, Дарья принесла с собой какую-то вещь. Как она выглядела?

— Ах да! Это был необычный предмет: прозрачный шар, заключённый внутри двух металлических колец, прикреплённых к короткой ручке.

— И в чём же была его необычность?

— А в том, что шар не касался этих колец. Он как бы висел между ними, удерживаемый непонятной силой. И при этом шар слегка вращался, и, если на него долго смотреть, то в голове начинали мешаться мысли. Мы не любили этот предмет по той причине, что при долгом рассмотрении его возникало лёгкое

головокружение. Но бабушка не расставалась с ним до самой смерти, утверждая, что в нём живёт частица её исчезнувшей любви.

— Вот как... И вы сами видели этот предмет?

— Да, и неоднократно. Мы ведь до войны жили не в этом доме, а в том, что находился в центре, неподалёку от центрального моста. Сейчас от него по утверждению моей внучки остались лишь руины. Я как-то просила её посмотреть, что произошло с нашим старым домом. Так уж случилось, что в тот дом сразу же после ухода немцев заселили других людей. Нам после возвращения из эвакуации предложили поселиться здесь. Выбора не было, мы забрали с собой те вещи, которые чудом уцелели и стали жить в этой квартире.

А тот предмет мы так и не смогли отыскать. Потом я думала, что, возможно, он остался среди не очень нужных вещей где-то в подвале дома. Он был полуразрушен, и мы не стали входить туда. Ничего пригодного для жизни там уже не могло быть. А вот тот самый волшебный шар, мне кажется, мог там сохраниться. Впрочем, теперь-то он уж точно находится неизвестно в чьих руках. Как я уже говорила, сейчас там просто остатки голых стен. Всё, что можно было утащить, утащили бомжи.

— Вы могли бы дать мне адрес вашего бывшего дома? И как я смогу найти там подвал?

Кто знает, а вдруг мне удастся отыскать эту, как вы говорите, волшебную вещицу.

— Конечно, если вам это нужно, записывайте.

Варвара Ивановна продиктовала улицу, номер дома, подробно рассказала, где был расположен их подвал. Я занёс всё в записную книжку телефона.

Мы ещё более часа говорили о разных разностях и расстались, пообещав друг другу непременно встретиться на будущей неделе.

8.

К семи вечера наша компания в полном составе снова собралась у меня дома. После недолгого ужина за чаем разговор снова вернулся к теме таинственного исчезновения горожан в канализационном тоннеле.

Успенцев, по привычке взявший на себя роль председателя, коротко сообщил, что в полицейских базах нет никакой информации о секте с названием «Мёртвая Луна». Собко и Макс к этому тоже не смогли добавить позитива: дневные поиски ни в тоннеле, ни в прилегающей акватории реки ничего не дали. Люди, в прямом смысле, словно в воду канули.

На это живо откликнулся Влад:

— Мне думается, Алексей, что ваши базы данных не так хороши, как всем нам того хотелось

бы. При этом ничего плохого не могу сказать о ребятах Собко. Боюсь, что здесь дело не в их профессионализме, а в чём-то ином. Я ведь тоже попытался собрать всё, что известно о сектах нашего края. И, признаться, был удивлён их разнообразием. Кого только не было в наших степях в конце девятнадцатого века: молокане, хлысты, новоизраильтяне, меннониты, духоборы, диаконовцы, баптисты и многие другие.

И только секта с названием «Мёртвая Луна» не упоминается в бумагах тех лет. Но, как ни странно, в одной из наших газет я нашёл довольно пространное сообщение об этой таинственной организации. В трёх номерах подряд рассказывается о случае исчезновения людей в тоннеле, который был построен с целью регулировки водопритока в центральной части города. Произошло это летом тысяча восемьсот девяносто первого года. Люди, как и в нашем случае, исчезли без следа, никто из пропавших так и не был найден. Утверждают, что тогда случились небывалые дожди и было полнолуние. Такие вот дела... Автор статей женщина, откуда ею был взят этот материал — неизвестно.

Я скопировал статьи и разослал по почте всем членам Клуба. Будет время — почитайте, весьма занимательно, знаете ли.

— Интересно, очень интересно, — заметил

Собко, который слушал нашего Библиотекаря с особым вниманием, поскольку настоящее дело касалось его отдела непосредственно, — я постараюсь найти автора этих статей и непременно узнаю, откуда у неё эти сведения.

— Да, — решил и я, наконец, внести свою лепту в вялый поток информации, — займись этим, Саша. Это при любом исходе будет полезно, но хочу заметить, что автор статей, кем бы она не была, права: этот случай действительно произошёл когда-то в нашем городе. Совпадают и время, и место. Дело в том, коллеги, что мне удалось побеседовать с человеком, чья бабушка была свидетелем этих событий. Это бабушка Ксении, той самой девушки, на глазах которой исчезли люди уже в наше время.

Я рассказал всё, что мне стало известно в результате визита к Варваре Ивановне Куприяновой.

Успенцев, задумчиво стоявший у окна, заметил:

— Одно могу сказать: чудны дела твои, Господи! Меня всегда занимало то, как удивительно переплетаются человеческие судьбы во времени и пространстве. Чем или, вернее, кем вызвано это переплетение? Что приводит к тому, что именно это событие происходит в конкретное время, в точно обозначенном месте и с именно

таким исходом? Почему всё, что было до этого жёстко предопределяет произошедшее, но при этом будущее, в отличие от прошлого, остаётся многовариантным и плохо предсказуемым?

Я смотрю, коллеги, на ваши лица и понимаю, что произношу несвойственные мне фразы и это шокирует неопытную, плохо подготовленную к превратностям быстротекущей жизни аудиторию. Прошу простить за отнятое время, господа присяжные заседатели: Остапа, как говорится, понесло... К тому же по выражению лица Дарьи понимаю, что ей тоже не терпится рассказать нам нечто необычное. Если я прав, давай, Дашенька, удиви нас.

— Да, ты прав, Лёша. Нам, ребята, кажется повезло, и мне действительно есть не только что-то рассказать, но и показать вам нечто материальное. Думаю, после этого многое прояснится в этой действительно фантастической истории.

Девушка достала из сумки прозрачный файл с какими-то бумагами внутри.

— Буквально вчера в наш архив привезли старые документы, обнаруженные строителями на чердаке одного из домов екатерининской ещё постройки. Он находится неподалёку от парка, и сейчас его реконструируют.

Вы должны знать, что князь Потёмкин так и не жил в своей резиденции, которая нынче является

Дворцом студентов. Я не стану вдаваться в историю, просто скажу, что впоследствии там довольно долго располагался архив княжеской канцелярии. Присмотра за ним надлежащего не было, крыша дворца со временем прохудилась, и, как утверждают очевидцы того времени, бумаги можно было увидеть разбросанными вокруг здания. Видимо кто-то из местных жителей часть их по каким-то соображениям унёс домой, где они чудом сохранились до нашего времени.

Разбирая эти документы, я обнаружила довольно хорошо сохранившееся письмо, которое хочу прочесть вам полностью. Оно чрезвычайно интересно тем, что, на мой взгляд, имеет непосредственное отношение к тому делу, которым мы сейчас занимаемся.

Даша осторожно развернула пожелтевшие от времени бумаги:

— Некто Михаил Фадеев, судя по стилю обращения и содержанию документа, пишет Светлейшему князю, фельдмаршалу Григорию Потёмкину-Таврическому. Читать буду полностью, без купюр, поэтому прошу слушать внимательно.

«6 июня 1790. Екатеринослав.

Светлейший князь!

Милостивый государь!

Принимая во внимание строгий

наказ сообщать обо всём, что буде казаться мне достойным внимания при обследовании тех подземных ходов, что были случайно найдены при строительстве резиденции, осмеливаюсь утруждать Вашу Светлость своим письмом.

Не взирая на дожди, кои вот уже несколько дней заливают всё окрест, принял я решение узнать, что скрывают эти подземные норы, кем и для чего они построены. На сей момент имею честь сообщить, Ваша Светлость, что мною лично с двумя доверенными особами была обследована большая часть их, и вот что удалось узнать.

Вышли мы поутру, и чем дальше с осторожностью чрезвычайной углублялись внутрь Соборной горы, тем более удивлялся я необыкновенному искусству тех неведомых строителей, которые для целей непонятных сооружали сии коридоры. Гладкость стен такова, что качеством своим напоминает поверхность скульптур, кои недавно доставлены были из Италии.

Тот ход, что Ваша Светлость имели возможность осмотреть в

прошлый раз, ведёт к Архиерейской балке. Не доходя её на полсотни саженьей, он поворачивает на заход солнца и там ветвится подобно дереву на множество вначале крупных, а затем мелких ходов, проникнуть в кои не представляется никакой возможности. Уж больно малы они, большей частью имеют круглый абрис в поперечнике, словно адский червь выгрыз их в этой чрезвычайно крепкой породе. Немногие из них по форме напоминают шатёр, но также малы, и пройти ими невозможно даже небольшому человеку. В большей части их нет движения воздуха, а из иных дует тёплый или холодный ветерок. А в самом малом при погашенных факелах было видно нам далёкое слабое свечение, словно спрятано там ночное наше светило при полном его рождении. Что это может быть, мне то неведомо.

Другой крупный коридор заложен правее и чуть ниже означенного выше. Он идёт прямым к тому месту, где Ваша Светлость велели закладывать фундамент Преображенского собора. В нём можно идти, не сгибаясь, трём

человекам рука об руку. Абрис его поперечный напоминает круг, срезанный снизу ровной поверхностью для удобства хождения. Стенки гладкие, словно кожа дитяти малого. Как такое можно было сделать — того не ведаю.

Примерно посерёдке этого коридора сверху равномерно каплет вода. Под неё в полу вырезано подобие большой миски. Чаша эта полна воды, но через край она не проливается. Мнится мне, Ваша Светлость, что есть там какая-то хитрость, по причине которой вода час от часу стекает куда-то вниз, и тогда слышно, как что-то там, в глубине, как бы вздыхает и урчит. Пишу Вам, Светлейший Князь, и осеняю в этом месте крестом животворящим, ибо до сих пор помню, как нам всем, в боях не раз участие принимающим, было жутко то внимать.

Далее сей подземный ход примерно через сто сажений вкрест пересекает другой коридор. Почему-то расположен он на сажень ниже того, по которому мы пришли. Форма его такая же. Только первый

коридор в месте пересечения сужается, и выход из него напоминает обычную дверь. Такая же дверь видна и с другой стороны нового коридора, но мы туда не ходили по той причине, что факелы наши малы и их могло не хватить на обратный путь.

По левую руку мы прошли нижним ходом саженой тридцать, не более, и попали в залу, что имела форму того казана, в котором для Вашей Светлости варили кулеши казаки в Сечи. Только имеет тот казан десять саженой ширины и столько ж высоты. Стенки его со всех сторон при свете факелов блестят наподобие стекла бутылочного. В боках того казана на высоте, примерно, двух — трёх саженой через равные промежутки видны круглые дыры. Для чего они не ведаю, но только стоять там и то жутковато. От произнесённого слова эхо долго гуляет, а опосля возвращается многократно усиленным и изменённым в худшую сторону, словно кто — то, спрятанный в одной из этих червоточин, измываетя над нами.

Из этой залы мы с облегчением вернулись обратно и пошли от развилки вправо. Тот коридор вскоре пошёл под наклоном вниз, и форму принял совершенную, круглую, размером сажени полторы во все стороны. Так что идти стало возможно только один за другим, и дышать там было тяжело. По пути было слышно, как за стенами хода этого с обеих сторон словно вода шумела, стекая куда — то вниз. Был момент, когда мы хотели уже воротиться, но Господь таки укрепил нас и помог дойти до низу.

Там оказалась ровная площадка. Она как бы пол в комнатёнке небольшой, так сажени в полторы по всем сторонам, в которую мы зашли как-бы сбоку. Далее хода нет. Мы уже стали собираться в обратный путь, когда один из моих товарищей — его отец работал по каменному делу — заметил, что на стыках левой стены с теми, которые к ней примыкают, есть как бы зазоры малые. Потом, приглядевшись, он нашёл такие же зазоры и в той стене, что была по правую руку от нас. Вот тут — то он глупость и

высказал, что, дескать, это и не стены вовсе, а двери такие, наподобие заслонок, что могут подниматься и опускаться. Того, конечно же, быть не может, поелику на вид каждая такая дверь должна иметь немалый вес, поднять который под силу только сложному и тяжёлому механизму, который не был нам виден. Да, и что прятать — то за ними? Рассуждать тогда над этим было недосуг.

Посмеялись мы над ним, но смех смехом, а сомнение в душе появилось, и двери эти были осмотрены с особым тщанием. И, Ваша Светлость, не поверите, но нашли таки на них странные знаки. На правой — как бы три волнистые линии по самому центру, а на другой, также в центре, нарисован лик Луны, какой она бывает в самом расцвете. Только вот пятна на ней были не те же, что на настоящем ночном светиле. Я потом проверял, благо через несколько дней после наших странствий по подземным коридорам случилось полнолуние.

Те пятна, что были на картине внизу, придавали Луне вид мёртвого

человека: глазницы, нос, рта подобие. Жутковатое было то лицо, Ваша Светлость. А над ним было изображено нечто вроде имеющего червоточины зерна чечевичного, от которой вверх и в стороны шли короткие лучики.

По памяти я потом нарисовал виденное, что и прилагаю к настоящему письму, зная интерес Вашей Светлости ко всякого рода необычным явлениям. Там ещё было что — то написано под этим лицом, но не по нашему, а вроде так, как пишут китайцы в своих ресторациях. Изобразить эти три знака, виденные при свете едва горящих факелов, и не ошибиться трудно весьма. По этой причине я не стал этого делать, за что прошу Вашу Светлость простить великодушно.

Но то, о чём вспоминаю при скорбном свете лампы, было хоть и дивно, но меркнет перед тем, что довелось нам увидеть и пережить далее. Наш младший сотоварищ оказался прав: те стены в комнате таки оказались дверями. Мы заметили, что шум текущей воды в глубине каменных стен вдруг затих. И

сразу после этого стена с ликом лунным начала медленно подниматься, а в щель снизу стал пробиваться свет яркий, какой бывает в полдень от светила дневного.

Щель становилась шире, и вскорости уже весь проём в стене был залит этим светом. Потом свет стал меркнуть, и мы, недвижимые и пришедшие в полное изумление, увидели перед собой длинный коридор, со всех сторон окружённый как — бы материей светящейся. На вид та материя была словно студень и цвет имел бледных небес, какими бывают они в середине лета. А в конце того коридора образовался зеленоватого цвета занавес, словно из дыма сотканный. На нём успел я углядеть нарисованный образ той же жуткой Луны, что был и на движущейся двери, закрывавшей этот чудной коридор.

Потом уже, придя в себя наверху, мы вспоминали как в головах наших возник словно голос дивный, ласковый, и как велико было искушение пойти и раздвинуть этот занавес, словно за ним находился рай

небесный, наполненный ангелами и праведниками. Но пойти туда нам было не суждено, поскольку так же внезапно стала подниматься и другая стена, та, что была от нас по правую руку. Из под неё хлынул поток воды, которая стала быстро заливать пол этой комнаты. Она быстро дошла до колен наших, и тогда мы, придя в себя от изумления, стремглав побежали прочь.

Обратный путь был труден из — за подъёма, воды, жгущей нас снизу, и нехватки воздуха. Мы добрались до пересечения и решили передохнуть по той причине, что бежать далее было невмочь. Там опять же спутник мой, тот, что знаком с работами по камню, по причине молодости лет раньше нас пришёл в состояние бодрости тела и стал осматривать проём, похожий на дверь. При этом мы оставались с другим моим провожатым на нижнем коридоре. Вдруг он окликнул нас и велел как можно скорее подниматься наверх.

Помогая друг другу, мы взобрались на площадку верхнего коридора. Здесь он подсветил

факелом проём, который я называю дверью. И теперь мы ясно увидели то, чего не заметили ранее. На боковых стенах с двух сторон были видны чрезвычайно искусно сделанные пазы, которые соединялись с такой же выемкой в полу. А сверху по этим вертикальным выемкам медленно опускалась плита шириною в локоть, которая вскорости должна была запечатать и сам этот проход, и нас, находящихся недавно в нижнем коридоре.

Перекрестившись многократно, мы быстро пошли к свету божьему, подальше от этих отдающих стеклянным блеском каменных стен, от запирающихся дверей и непонятных знаков на них. Наши факелы погасли за несколько шагов от выхода.

Наверху нас ожидал столь сильный дождь, какого я в этих местах не припомню. Казалось, потоки воды низверглись с небес, имея целью свою смыть в реку наш светлый град недостроенный. Лишь к ночи закончилось невиданное светопреставление, и за то наше благодарение Господу.

Своим спутникам я велел молчать под страхом наказания, а сам, придя в состояние душевного равновесия после увиденного, сел за письмо к Вашей Светлости, опираясь на то, что память моя всё ещё ярко хранит воспоминания о нашем вчерашнем походе в подземный мир Соборной горы.

Пока писал, пришло известие от строителей водоотводящих каналов, которые должны обезопасить нижнюю часть города нашего от наводнений, нередко случающихся в период дождей и весеннего половодья. Подрядчик господин Фукс сообщил, что не далее как вчера в полдень, строя канал, куда намерены упрятать речушку, текущую по дну той балки, что внизу холма расположена, его работники наткнулись на каменную стену необыкновенной гладкости и крепости. Под нею ими были найдены две дыры округлой формы, размером в локоть каждая. Меж ними саженой десять будет, а то и чуть более.

Меня отыскать не смогли, поскольку аккурат в это время мы обследовали подземные коридоры, и

по этой причине, а также потому, что каменщики не могли ждать, да и дождь собирался нешуточный, они решили продолжить работы. Только кладку, которая была сделана на этом участке каменной стены, сделали тоньше и не стали соединять с соседними участками путём перевязки кирпичей. Теперь их разделяет едва заметная щель. Те дыры непонятные остались под кладкой у самых её краёв. Сам же участок легко заметить по тому, насколько форма канала в этом месте отличается от начальной и той, что наличествует далее.

Я был там час назад. Всё там было так, как рассказал подрядчик: и участок, и его форма, и даже поневоле образовавшаяся ровная площадку длиной саженой десять у подножья каменной стены, спрятанной за кирпичной кладкой. По своей воле господин Фукс на высоте своего роста велел выложить на этой стене квадрат из половинок кирпичей иного цвета. И теперь это место, по его уверению, можно будет найти и через сотню лет. Мне нечего было сказать ему против этого.

Вернувшись домой, мысленно я нанёс на план верхней части города, начертанный рукою Вашего Сиятельства, примерное расположение подземных коридоров и строящегося канала. По причине скудости ума своего могу ошибаться, но только сдаётся мне, что та комната в тупике, в коей мы обследовали стены — двери, находится в том же месте, где и каменная стена, найденная случайно строителями. План тот я также прилагаю к письму для ознакомления Вашей Светлости.

По Вашему повелению найденные входы в подземные коридоры будут запечатаны втайне от людишек, в окрестностях обретающихся. Я прослежу за тем, чтобы сделано это было надёжно, а тех, кто будет причастен к сему делу, отошлю на Кубань. Более мне добавить нечего.

**За сим остаюсь Вашего
Сиятельства скорбный слуга
Михаил Фадеев».**

Даша закончила читать и подняла глаза:
— Что скажете на это, коллеги по частному

сыску? Согласитесь, есть над чем задуматься.

— Не знал бы по какому поводу мы собрались, то решил бы, что это фантастика, — заметил Лапшин. — Просто не верится, что под центральным холмом ещё недавно суперсекретного города имеется система подземных тоннелей, о которой ничего не известно. Я уже молчу о качестве отделки стен, которое летописец сравнивает с качеством обработки мраморных итальянских статуй, о работающих механизмах, о той червоточине, обнаруженной нашими диггерами, которая, судя по всему, должна вести в неизведанные миры. Даша, ты уверена, что это письмо не талантливо сработанная подделка?

— Уверена, что оно подлинное, подделка исключена. И, кстати, человек по имени Михаил Фадеев действительно долгие годы был доверенным слугой светлейшего князя. Что думает по этому поводу наш Библиотекарь? — обратилась девушка к Владу. — Тебе попадалось что-нибудь похожее в твоих исторических поисках?

Коун задумчиво покачал головой:

— Нет, не попадалось, это совершенно точно. Хотя о наличии подземных ходов в Соборной горе слухи были, и есть даже тому документальные свидетельства. Их обнаруживали то в районе Дворца студентов, то при прокладке канализации на территории Земской больницы. Говорят, что в

Горном университете из главного корпуса в направлении собора идёт тоннель, но он завален где-то посередине.

Видимо всё же что-то там есть, под землёй. Признаться, до сих пор мне казалось, что тоннели проложили ещё во времена строительства резиденции Потёмкина, но сейчас нахожусь в сильном сомнении. Не знаю, сейчас я не готов к каким-либо выводам...

— А нашим доблестные органам что-то известно по этому поводу? — продолжала опрос Дарья.

Но ни Успенцев, ни Собко не смогли сообщить что-либо новое по части подземелий Соборной горы.

— Игорь, ты что скажешь, — обратилась Даша ко мне.

— Да, придумай что-нибудь интересное, — поддержал её Лёшка, — в конце концов, кто у нас писатель!

Я вяло усмехнулся в ответ на его заезженную реплику:

— Пока ничего такого, что пролило бы свет на двойное, судя по всему, исчезновение людей в одном и том же тоннеле. Вы выслушали историю Варвары Ивановны, которой я не имею причины не верить, мы достаточно подробно знакомы с тем, что произошло недавно. Люди исчезли без следа,

словно растворились в пространстве. Нет ни малейших признаков того, что они вообще там были, если бы не случайное присутствие романтической девушки в нашем случае, и случайности, замешанной на любви, тогда, более сотни лет назад. Согласитесь, есть над чем задуматься, дорогие частные сыщики.

— Да, согласен, — поддержал меня Успенцев, — задуматься есть над чем. Но при чём здесь, скажите на милость, «Мёртвая Луна»?

— Пока не знаю, но только обратите внимание на такое совпадение: в обоих случаях исчезновения людей было полнолуние и шли затяжные обильные дожди. Это определённо что-то должно означать... Уверен, что и «Мёртвая Луна» как-то с этим связана, просто мы не имеем пока достаточно информации. Но три совпадающих фактора, согласитесь, это уже части какой-то системы. Какой? — это вопрос...

В комнате наступила тишина, все обдумывали мои слова. Нарушил её Коун:

— Если предположить невероятное, что такая система существует сотни лет, то кто мог её построить в тогда ещё малообжитом Диком Поле? С какой целью она создавалась и, это главное, кто поддерживает её в работоспособном состоянии?

— Неслабые вопросы, — заметил Собко, — боюсь только, что сегодня мы вряд ли сможем

ответить на них.

— Я знаю! — словно школьница подняла руку Даша. — Это инопланетяне, зелёные такие человечки.

— Точно, — с улыбкой поддержал её Макс, — это они, конечно же, крадут наших людей и ставят на них свои гнусные опыты.

— И нафига они это делают? — полюбопытствовал совершенно серьёзно Собко.

— Да погодите вы, коллеги! — перебил их Лёшка. — Перестаньте дурачиться: инопланетяне, зелёные человечки, порталы... Я уверен, что всё можно объяснить гораздо проще, не прибегая к заумным фантазиям. Просто у нас пока мало ещё информации. Поэтому, предлагаю разойтись по-хорошему и уже дома, перед сном обдумать то, что нам известно, опираясь по возможности на марксистско-ленинскую философию, а не на гнилую западную ересь. Не знаю как вам, но лично мне ещё нужно успеть сделать кое-что важное и очень полезное...

В этот момент зазвонил его телефон. Успенцев, глянув на экран, приложил трубку к уху и, махнув нам на прощанье рукой, поспешно вышел из комнаты. До нас донеслись его последние слова: «Рыбка, не сердись, ради Бога! Знаю, что виноват... знаю, что нет мне прощенья... да, радость моя, через минуту твой зайка будет стоять на коленях у

твоих очаровательных ножек...».

Мы немного весело порассуждали о том, что страшнее на этом свете: какие-то там мифические зелёные человечки или наши женщины, когда они в гневе, но, не встретив поддержки у Даши, которая имела своё мнение на этот счёт, разошлись, договорившись встретиться через день, если только не случится вдруг нечто из ряда вон выходящее.

И оно, это «нечто», конечно же, случилось. А виной этому были всего лишь полная луна за облаками и дождь, который, не переставая, лил вот уже почти неделю.

9.

К сознанию, взбудораженному вечерним разговором, не шёл сон. Я лежал с открытыми глазами, слушал, как за окном стучит дождь, как тихо посапывает рядом Даша, способность которой засыпать мгновенно была просто уникальной, и вспоминал наш вечерний разговор. Из памяти не уходили строки из письма, в котором верный слуга докладывал своему могущественному покровителю о необычном путешествии в подземный мир Соборной горы. Мне отчётливо виделась отливающая стекляннм блеском стены тоннелей, огромные залы непоняного назначения, опускающиеся каменные двери.

И всё это было рядом, в каких-то пятистах или чуть более метрах. Чуть дальше, вытекая из балки, журчала речушка, исчезая в старинной канализационной системе. Там уже дважды бесследно исчезали люди.

Михаил Фадеев писал, что по его разумению таинственная комната в конце наклонного коридора, по которому они шли с факелами в руках, должна была находиться неподалёку от входа в тот самый тоннель, по которому мне уже приходилось однажды идти. Жаль, что не сохранились чертежи... Но где-то там на стене должна быть метка в форме квадрата, по которой можно было найти это место. Там же за кирпичной кладкой должна была находиться и каменная стена с отверстиями под ней, случайно обнаруженная строителями. Что если это и не стена вовсе, а часть какого-то гигантского механизма, с которыми пришлось сталкиваться в своём путешествии Фадееву со спутниками?

Я долго обдумывал эту мысль и вскоре понял, что уснуть уже не удастся, если не увижу это место в тоннеле. Мне хорошо была известна особая черта моего характера, которую Успенцев называл не иначе, как «тихий идиотизм». Она заключалась в том, что если мне в голову приходила очередная безумная идея, то я начинал её реализовывать, совершенно не заботясь об опасности, которая

могла ожидать меня на этом пути. Так было и в этот раз. Я осторожно освободился от прилипшей к моей руке Дарьи, бесшумно поднялся, экипировался и вышел из дому.

На улице шёл бесконечный дождь. Подняв капюшон непромокаемой куртки, я по практически безлюдному городу быстрым шагом направился к тоннелю и минут через тридцать был у его входа. К этому времени дождь неожиданно прекратился, и в разрывах между облаками показалась луна. Последняя фаза её, насколько я знал, миновала пару дней назад, но луна была ещё совершенно округлой, без малейших признаков ущербности. Её ровный свет заливал окрестности, делая видимыми малейшие подробности ландшафта. Определение «мёртвая» никак не вязалось с очарованием нашего ночного спутника.

Я несколько раз обошёл всё вокруг для того, чтобы убедиться в отсутствии посторонних глаз, и только после этого осторожно проник в тоннель. Здесь было тихо, хотя водный поток не напоминал тот прозрачный ручей, каким он был во время моего прошлого визита. Сейчас по коридору текла вполне приличная река, глубокая и мутная от дождей, которые вот уже неделю идут с удивительным постоянством.

Высокие резиновые сапоги, которые я предусмотрительно захватил с собой, должны были

решить проблему передвижения по тоннелю. Я переобулся и с рюкзаком за плечами медленно двинулся справа по краешку потока. Здесь было вымощено что-то вроде тротуара, уровень которого, как помнилось, был на метр выше основания тоннеля. Идти по нему даже сейчас можно было без риска набрать воды в сапоги.

В воздухе ощутимо пахло сыростью. Луч света мощного фонаря ярко освещал пространство на десятки метров впереди. Вот слева показался контур основательно затопленной двери, которая вела в подвал дома с ухмыляющимся сатиром над входом. Я поёжился, вспомнив камеры с решётками, скелеты внутри, прикованные цепями к кирпичным стенам, голову огромной девицы в луже крови на столе, в её левой руке зажат наган. Слава Богу, всё это в прошлом...

Судя по линии на стенах тоннеля, вода здесь поднималась гораздо выше, чем сейчас. В голову пришла мысль, что если наводнение случится внезапно, то, пожалуй, выхода отсюда нет. Это не прибавило оптимизма, и я решил не затягивать свою подземную одиссею. Мне бы только найти то место, о котором упоминал Михаил Фадеев в отчёте о результатах своей экспедиции в подземелья Соборной горы.

И я вскоре увидел этот квадрат. Он имел длину стороны около полуметра и довольно

отчётливо выделялся на фоне стены. На нём несмываемой краской было нарисовано стилизованное изображение, в котором посвящённый человек мог узнать лунный диск, покрытый необычными пятнами. Они придавали ему какой-то зловещий, угрожающий вид. Судя по качеству краски, рисунок был нанесён сравнительно недавно.

Обнаружил я и вертикальные швы в кладке по обе стороны квадрата. Расстояние между ними составляло около десяти метров. Всё было в точности так, как об этом говорилось в письме. Если не считать того, что от времени края кладки, особенно снизу в районе швов, были основательно разрушены. Многолетние отложения ила у стен и мутный поток в центре тоннеля скрывали истинные размеры деформированных участков, но, судя по отдельным деталям, они не могли быть большими. Строили это сооружение когда-то на совесть, с большим запасом прочности.

Увиденное безусловно давало пищу для воображения, но ничего не говорило о том, куда же подевались люди, поклоняющиеся Мёртвой Луне. Принимая во внимание непрекращающийся дождь снаружи, я решил не испытывать дальше судьбу, вернуться ко входу в тоннель, а уже там, на поверхности, искать ответ на этот вопрос. Но в этот момент где-то в глубине каменного массива за

стеной отчётливо послышался металлический щелчок, который у меня почему-то сразу вызвал сравнение со звуком спускового механизма.

Сразу же вслед за этим вся плоскость стены тоннеля между двумя швами старой кладки дрогнула и пришла в движение. Кусок стены длиной почти десять метров стал медленно уползать внутрь массива. При этом нижняя её часть стала в движении опережать верхнюю, поднимаясь куда-то вверх. С обеих сторон обнажившейся полости хлынули мощные потоки воды, почти полностью перекрывшие сечение тоннеля. Спасти в этой бушующей мутной массе можно было только одним путём, и я быстро вбежал внутрь открывшегося прохода.

Метров через пять — шесть я увидел ступени, ведущие вверх. Там оказалось помещение в форме куба со стороной грани чуть больше трёх метров. С левой стороны его был проделан проём в человеческий рост, в котором виднелись поднимающиеся вверх ступени. А прямо передо мной каменная стена по незаметным пазам медленно уходила вверх. За ней виднелся арочной формы странный коридор длиной метров десять. Его поверхность была словно соткана из той призрачной материи, что и сполохи северного сияния в Финляндии, которые нам с Дашей пришлось наблюдать год назад во время зимнего

отдыха. Она так же плавно меняла окраску от оранжевого до синего оттенков.

Заканчивался этот тоннель чем-то похожим на зеленоватый экран. На его поверхности при моём появлении стали медленно проступать очертания Мёртвой Луны. И в тот же миг у меня возникло непреодолимое желание войти внутрь этой мерцающей красоты. Я опомнился уже пройдя две трети тоннеля, когда понял, что ещё немного, и не смогу сопротивляться странному зову, идущему со стороны экрана.

Однажды в горах Китая нам с Успенцевым совершенно случайно довелось две недели провести в гостях у отшельника. Вокруг в радиусе сотни километров не было ни единой живой души. Одни лишь скалы и бездонное небо над ними необыкновенной голубизны. Из пещеры вытекал прозрачный ручей, внутри на его берегу и жил этот человек.

Он был не молод, и уже без малого сорок лет провёл в уединении, совершенствуя свои ментальные возможности. Я бы никогда не поверил в то, что всего лишь усилием мысли можно на расстоянии в десять метров превратить в пыль гранитный валун, если бы сам не был свидетелем этого чуда. Да, тот старик умел удивить, хотя, думаю, что показал нам далеко не все свои возможности.

За дни короткого общения он проникся к нам доверием и научил ставить ментальный блок, сопротивляться внешнему воздействию на психику. Впрочем, из нас двоих освоить этот приём удалось только мне. Успенцев лишь частично овладел этой возможностью, ссылаясь на то, что подобные методы воздействия ещё не разработаны, а, следовательно, и сопротивляться нечему.

Я мысленно прогнал алгоритм и сразу же ощутил как стало уходить желание окунуться в бледно-зелёную ткань экрана в конце коридора. После нескольких циклов защиты это желание исчезло вовсе, но вместе с ним стал исчезать и сам экран, а на его месте образовалось подобие прозрачной плёнки, похожей на летнее марево над дорожным асфальтовым покрытием. За ней виднелся явно неземной пейзаж: далёкие горы со снежными шапками, уходящая к ним долина, заросшая фиолетовыми деревьями, и едва заметный в лучах заходящего солнца лунный диск над горизонтом. Пятна на диске создавали впечатление висящей в небе мёртвой головы.

Весь этот мир был словно погружен в лёгкую мглу. Виной тому могли оказаться либо особенности атмосферы, либо возраст звезды, вокруг которой вращалась эта планета. Такая мысль почему-то пришло в голову при виде размытых снежных наверхий горной гряды.

Внезапно передо мной на расстоянии трёх — четырёх метров возникла голова живого существа. Я не решился тогда, не решался и позже назвать его человеком. Было в нём что-то, отличающее от землянина: форма ушей, разрез глаз, рта, фактура рыжеватых вьющихся волос. Во взгляде этого существа явно просматривался разум: чужой, холодный и, как мне тогда показалось, явно враждебный.

Недолгое время мы молча рассматривали друг друга. Потом по артикуляции губ я понял: он что-то пытается сказать мне. И в этой неслышимой фразе явно была угроза, было нечто, сказанное повелительным, или даже презрительным тоном. По крайней мере, мне так показалось. В моём довольно мощном фонаре на предмет защиты в ночное время от нехороших людей предусмотрена функция кратковременного увеличения мощности. Не задумываясь, я активировал её движением большого пальца и направил слепящий луч на существо, стоящее по ту сторону экрана.

Было видно, как он вскрикнул и закрыл лицо руками. Хорошо запомнились чёрные перчатки с обрезанными пальцами. На каждой из них с тыльной стороны виднелось стилизованное изображение черепа, заключённое в круг. В левой руке существо держало какой — то предмет, напоминающий булаву с короткой рукоятью. Её

головка представляла собой два кольца цвета бронзы, плоскости которых располагались перпендикулярно по отношению друг к другу, образуя сфероид, в центре которого находился прозрачный шар. Мне даже показалось, что сам шар не касался колец, поскольку его диаметр был несколько меньше.

Сознание мгновенно очистилось от внешнего воздействия, и я понял, что, пользуясь моментом, самый раз покинуть это неудобное место. И лучше это сделать по-английски, не прощаясь.

10.

Проснувшись утром, Даша вдруг обнаружила, что в кровати находится одна. Игорь неожиданно исчез, не поставив её в известность о своих намерениях. Вначале она хотела обидеться, но поскольку это был первый случай такого рода за всё время их совместной жизни, решила не становиться в позу, а дожидаться его возвращения и высказать всё, что думает по этому поводу. Но время шло, а Игорь так и не давал о себе знать. Это было не похоже на него.

Несколько попыток найти пропажу по телефону, предпринятые за завтраком и после него, так и не увенчались успехом: абонент упорно находился вне зоны связи. Это уже не на шутку

обеспокоило девушку, и часам к возьми она решила позвонить Успенцеву. Тот, против ожидания, откликнулся мгновенно:

— Доброе утро, красавица! Что случилось в доме Облонских?

— Привет, Лёша! Представь себе случилось: Игорь исчез.

— Как это исчез? Что, проснулась, а его нет рядом? — Было слышно, как коротко рассмеялся Алексей.

— Представь себе, именно так и было: проснулась, а его нет рядом. И не нахожу в этом ничего смешного. На Игоря это совсем не похоже, а кроме того, вот уже почти час его телефон упорно находится вне зоны связи. Как думаешь, где он может быть? Вы с ним ничего такого не планировали, о чём я могу не знать?

— Да нет, — неуверенно ответил Успенцев, — не припомню такого... Нет, ничего мы не замыслили, это совершенно точно. Единственное тёмное дело, которым мы сейчас сообщаемся, это пропавшие люди из секты под названием «Мёртвая Луна». Ты об этом знаешь не хуже меня... Кстати, по этому поводу у тебя с ним не было разговоров? Не мог он самостоятельно что-то предпринять в этом направлении? На Игоря это очень похоже: что-то надумать себе и немедленно приступить к исполнению внезапно

набежавшей идеи. Не хочу пугать, но хотя он обычно и выпутывался из всех сложных ситуаций, в которых оказывался исключительно по собственной инициативе, но проблем окружающим, в частности мне лично, доставлял изрядно. Вот что, Даша, ты на работу идёшь?

— Уже нет, а что?

— Ничего. Я беру Макса, Собко и мы едем к тебе. Нужно же что-то предпринимать. Жди нас минут через сорок.

— Хорошо, я жду вас.

Примерно через означенное время в прихожей раздался звонок. На экране домофона было видно, что у двери квартиры стоит Успенцев с непривычно серьёзным выражением лица. За ним виднелся Лапшин.

Вскоре все сидели за столом на кухне и внимательно слушали взволнованную Дарью. Телефон Зарубина упорно находился вне зоны связи.

— Ты всё осмотрела в квартире? — поинтересовался Успенцев. — Может всё же он оставил хоть какой-то намёк на причину своего исчезновения?

— Ничего нет, я всё осмотрела самым тщательным образом. Ума не приложу, куда он мог пойти. Причём, я уверена, что он не планировал такое долгое своё отсутствие. Скорее всего, что

там, где он находится, что-то пошло не так. Знать бы только, где находится это место...

— Да уж... — неопределённо произнёс Алексей.

Все замолчали, раздумывая над создавшейся проблемой.

— А у кого, кстати, Игорь был последнее время? — спросил Макс, когда молчание стало и вовсе тягостным. — Кого он навещал?

Даша задумалась:

— Да, собственно, если я не ошибаюсь, то из всех, кто нас может заинтересовать, так это бабушка той самой девушки, которая наблюдала исчезновение людей в тоннеле. Он навещал её вчера, и она произвела на него впечатление и внешностью, и рассказом.

— Оставим в стороне внешность, — заметил Успенцев, — о чём был рассказ я, примерно, знаю, как и все мы. Но всё ли он нам изложил, вот в чём вопрос... Тебе, Дашенька, Игорь ничего такого не рассказывал перед сном грядущим?

— Да нет... Ни о чём особенном речь не шла, иначе я бы запомнила.

— Черт возьми! Придётся, видимо, ещё раз побеспокоить эту старушку, если Игорь не найдётся в ближайшее время. И что-то подсказывает мне, что пропажа его связана с этим злополучным тоннелем. Где-то там нужно искать концы этой истории.

Кстати, а где околачивается наш Собко?

В этот момент раздался мелодичный сигнал домофона.

— Наверное это он, — заметила Даша и вышла из комнаты. Вскоре она вернулась, за ней шёл Саша Собко.

— Где изволили пропадать, сударь? — поинтересовался Успенцев. — Ты в курсе, что Игорь пропал?

— Да, в курсе, Даша сообщила. Я сегодня закончил обход всех наших, так сказать, канувших в подземную Лету. Имею возможность нанести пару мазков на эту картину. Если желаете, конечно.

— Желаем, — буркнул хмурый Успенцев, — если только не долго и если мазки имеют хоть какое-то отношение к исчезновению Игоря.

— Какое-то имеют, я надеюсь. Так вот, при посещении девятого по счёту исчезнувшего выяснилось, что этот человек был буквально помешан на эзотерике. Зовут его, обратите внимание, Арнольд Викентьевич Заборовский. Мне кажется, что при таком словосочетании сложно не заняться чем-то потусторонним. Полки в комнате этого Арнольдика буквально забиты книгами Блаватской, Рериха, Фёдорова и иже с ними. На стенах комнаты пентаграммы, звёзды, всевидящие очи. Одним словом, чувак видимо крепко поехал крышей по части сверхъестественного.

Его мама, на вид приличная старушенция, поведала, что года полтора назад её сынок, вернувшись из Карпат, где обследовал какие-то пещеры, привёз интересный предмет. По её словам это был хрустальный шар, заключённый в бронзовую арматуру с короткой рукоятью. Особенность шара состояла в том, что он не касался металлических частей, а как бы висел между ними. Арнольд был просто влюблён в свою находку. Она даже слышала, как сын по ночам иногда разговаривал с ним, и якобы тот велел создать ему тайное сообщество людей под названием «Мёртвая Луна». Он и создал его для общения с иными мирами. Собирались эти странные люди у них дома, вели себя смирно, а шабаши свои ходили совершать в тот самый тоннель, где и сгнули не так давно.

Такие вот дела, господа присяжные заседатели. Что скажете на это? Имеет ли эта история отношение к исчезновению нашего Игоря?

В комнате повисло молчание. Нарушил его Макс:

— Припоминаю, что об этом таинственном шаре говорила и девушка Ксения, излагая свою версию об ушедших в подземелье. Но что это нам даёт?

— Ничего полезного, — добавила Даша. — кроме того, что и тогда, и сейчас имела место

непогода и в качестве активной детали фигурировал некий необычный хрустальный шар.

— Кошмар какой-то! — поднялся с кресла Успенцев. — Где же Игорь? Даша, будь добра, набери-ка его ещё раз.

Девушка набрала номер и поднесла телефон к уху. Вскоре на её лице отразилось радостное удивление: телефон Игоря был в зоне доступа.

11.

Быстрым шагом я направился прочь из этого мерцающего тоннеля. Уже у выхода, бросив взгляд по сторонам, мне показалось, что там за колеблющейся туманной завесой находятся помещения, уставленные рядами каких-то устройств, похожих на барокамеры. За прозрачной крышкой ближайшей ко мне установке в клубящемся тумане даже мелькнуло лицо спящего человека. Но, впрочем, это могло просто показаться...

Из кубической комнаты, пол которой уже был залит медленно поднимающейся водой, я бросился в тоннель, ведущий наверх. Другого пути попросту не было. Спустя час я уже был в другой подземной магистрали, которая была шире предыдущей и имела круглое поперечное сечение. Клокотание воды сзади стихло, воздух был чистым, из чего я

заклучил, что где-то впереди должен быть выход на поверхность. Пока что моё подземное путешествие в целом совпадало с тем маршрутом, который был изложен в письме Михаила Фадеева.

Вскоре я добрался до перекрёстка, на котором они, если верить письму, пошли по левому коридору. Но он впоследствии по приказу того же Фадеева был запечатан. Выбора не было, и я подтянувшись, вскарабкался на верхнюю площадку и повернул вправо. Этот коридор имел прямоугольную форму поперечного сечения и плавно по дуге заворачивал влево. Я прошёл по моим подсчётам уже около двух километров, когда впереди меня контур выработки осветился оранжевым светом. Это могло быть предостережение.

Я остановился, не зная как быть дальше. Поворачивать назад не хотелось. Хотя, как выяснилось, поворачивать уже было некуда. Сзади пылал оранжевым такой же прямоугольник. Сердце стало биться чаще, по виску скатилась первая капля холодного пота. Расстояние между огненными прямоугольниками вдруг стало уменьшаться. Они явно приближались с двух сторон, и деваться мне было некуда. Отчаявшись, я бросился вперёд. Моё тело остановило что-то упругое и горячее. Мозг вспыхнул, и я потерял сознание.

Очнулся я от мерных звуков капающей воды.

В свете фонаря был виден всё тот же коридор с идеально гладкими, словно выплавленными в граните стенами. Исчезли светящиеся оранжевым прямоугольники. Впереди по ходу движения на полу блестела аккуратная лужица, в которую с потолка мерно падали прозрачные капли. Ощущая лёгкое головокружение, я поднялся и двинулся к этой лужице. Подойдя, лёг на пол и стал жадно пить холодную, необыкновенно вкусную воду.

Если верить часам и телефону, который отказывался работать, в подземелье я находился уже более четырнадцати часов. Странно, сколько же времени длилась отключка? Я попытался вычислить и с удивлением отметил, что совершенно не помню ничего с той минуты, как вошёл в старый тоннель у Красноповстанческой балки. Как я вообще оказался здесь и куда следует идти?

Мне показалось, что в лицо дует слабый ветерок. Это был хороший знак, и я двинулся вперёд. Коридор становился всё меньше в размерах и всё извилистее. Впереди стал заметнее световое пятно, но двигаться мне приходилось уже чуть ли не ползком. Уже у выхода на поверхность мне показалось, что каменная труба вокруг меня слегка вибрирует. Это был плохой признак, и я изо всех сил рванулся вперёд.

Выход из подземелья находился на крутом

борту заросшей низким лесом балки. Я кувырком полетел вниз, а вслед за мной стала медленно оползать грунтовая масса вместе с росшими на ней травой, деревьями и кустами. Мне повезло, что я достиг дна балки первым и успел отбежать вниз по руслу пересохшего ручья. Вскоре шум сзади утих. Катаклизм завершился, я, слава Богу, цел и можно было выбираться в сторону цивилизации. Судя по всему, выход из подземелья находился где-то в южной оконечности города. Так оно и оказалось. Устье балки выходило к новенькому шоссе. Вскоре я стоял на асфальте, и в это время зазвонил, наконец, телефон.

12.

Прошли сутки после описанных выше событий. Выслушав всё, что думают о моём безнравственном поведении Лёшка, Даша и все остальные, я привычно повинился, но вспомнить, что было со мной в полном объёме так и не смог. Я помнил всё, что было до входа в тоннель и после выхода из подземных коридоров, но так и не смог ничего припомнить о том, что же было между этими временными метками. Хотя порой в сознании возникают странные, не связанные между собой картины, и я надеюсь, что когда-то мне удастся восстановить в памяти всё, что было после того, как

я шагнул в мир подземелий.

Прошли ещё сутки, и я решил навестить то место, где когда-то стоял дом Куприяновых. Из памяти не уходил рассказ о необычном хрустальном шаре, сыгравшем далеко не последнюю роль в жизни группы людей тогда, в конце девятнадцатого века, и другой — спустя почти сто двадцать лет.

Внимательно изучив местность, я сразу же понял, что от той поры, когда внучка Варвары Ивановны была послана изучить состояние их бывшего дома, прошло не менее двух лет. За это время здесь изменилось многое. Исчезли развалины старых домов, и на их месте возник торгово-развлекательный комплекс под названием «Кубик». Он и в самом деле представлял собой продуманное нагромождение кубических форм. Теперь даже приблизительно было сложно определить то место, где мог находиться подвал старого дома. Да, собственно, и нужды-то особой в этом не было. При строительстве подвальной части комплекса все прежние постройки были ликвидированы вместе с их подземной частью.

Я представил, как мощный экскаватор загребает грунтовую массу вместе со старыми кирпичам, досками, полусгнившими вещами и грузит всё это в кузов самосвала. Потом весь этот мусор отвозится на одну из городских свалок, и

сейчас где-то там лежит необычный предмет в форме булавы с короткой ручкой, при длительном рассмотрении которого в голове человека возникает лёгкое головокружение. Найти его теперь можно было разве что совершенно случайно...

Хотя, почему нет? Свалки давно уже стали местом прибыльного бизнеса. Мусор перебирают, сортируют и продают всё полезное, что только можно извлечь. А там, по рассказам, есть что извлекать. Не исключено, что в процессе сортировки мог быть найден и этот предмет. Тогда он находится в чьих-то руках. Нужно будет напрячь в этом смысле Успенцева. У него хорошие связи в криминальном мире.

С этими мыслями я отправился домой. Мы с Дашей собирались навестить Варвару Ивановну.

13.

Неисповедимы пути господни. Сегодня ты олигарх и владеешь миллиардами, а завтра всего лишь бомж без копейки в кармане. А впрочем, бомж это далеко не всегда продукт печального стечения навеванных свыше обстоятельств. Нередко это попросту внешнее проявление состояния истинной души человека, если угодно, его карма.

К такому выводу Семён Осадчук пришёл пару лет назад, когда понял, что все его попытки вернуть

обществу своего младшего брата оказались тщетными. Витёк упорно не желал следовать общепринятым правилам жизни. Он продал принадлежащую ему квартиру, быстро промотал деньги и вот уже около двух лет жил исключительно в обществе людей без определённого места жительства. У брата он иногда появлялся, но исключительно с целью вдоволь поесть, принять душ да кое-что постирать. Жена Семёна его не привечала, не без оснований полагая, что его присутствие в семье плохо влияет на детей.

К алкоголю Витёк — в такой интерпретации его имя стало в семье нарицательным — был, слава Богу, равнодушен. Иных дурных привычек за ним тоже замечено не было. Да и, вообще говоря, человек он был безобидный, мягкий, безвольный.

В зимнее время, когда температура воздуха понижалась и становилась ниже средней, Семён втайне нарушал правила, которые были установлены для персонала, занятого в ночное время охраной торгово-развлекательного комплекса, называемого в народе «Кубик». Через одну из непарадных дверей он впускал брата внутрь, чтобы тот мог выспаться в тепле. Витёк незаметно для других секьюрити спускался в подвальное помещение и там устраивался до утра. Вначале это были складские помещения, но потом их стали запирают, и последние несколько ночей он

провёл в помещении постирочной. Здесь можно было устроиться на одном из узлов с грязным бельём, почитать очередную книгу, которых становилось всё больше в мусорных баках, и затем с комфортом поспать до утра.

Так было три ночи подряд. Четвёртая ночь оказалась не похожей на предыдущие. Ему приснился сон настолько явный, что, придя в себя, Витёк не сразу понял, где он находится. В этом сне он вдруг увидел себя, стоящего посреди небольшой поляны, окружённой необычными деревьями. Они были невысоки, чуть выше двух метров, имели мелкую листву фиолетового цвета и источали приторно — сладкий запах, от которого чуть кружилась голова. Поляна была залита ярким светом заходящего солнца.

Из-за деревьев вышли люди. Так он решил вначале, но потом, присмотревшись, понял, что это не совсем так. Они были одеты как люди: куртки, брюки, сапоги, но некоторые детали выдавали их неземное происхождение. Витёк оглянулся. Сзади молча стояли такие же существа. Стоявший перед ним единственный из всех имел головной убор, напоминающий невысокую корону из металла цвета бронзы. В правой руке он держал какой — то предмет, похожий на хрустальный шар. Этот Главный был ближе всех, буквально на расстоянии вытянутой руки. Зрачки его зеленовато-жёлтых глаз

напоминали вертикально расположенные узкие прорези. Это были кошачьи зрачки. Правая щека существа было деформирована, на ней виднелся глубокий шрам в форме тонкого полумесяца.

И в этот момент Витёк, обожавший фантастические романы, вдруг отчётливо понял, что находится не на Земле. Неведомая сила выдернула его из уютного тепла подвала и забросила так далеко, откуда ему уже никогда не выбраться. Это понимание сменилось чувством страха, тоски.

Он протянул руку к стоящему перед ним существу, собираясь спросить, как называется это место и где оно находится, как вдруг шар у того в руке неярко вспыхнул, и в голове у Витька отчётливо прозвучал вопрос. Это было именно так, поскольку со стороны окруживших его местных жителей не было произнесено ни звука.

«Кто ты?» — спросили его. Витёк не сразу нашёлся, что ответить, но потом просто представил себя тем, кем он был дома, на Земле — человеком без определённого места жительства и без цели в жизни. Реакция на это последовала не сразу, но из неё следовало, что сам он не является продуктивным существом и подлежит стерилизации. При этом обступившие человека существа синхронно сделали шаг назад. Один лишь Главный остался на месте. Неожиданно для себя

Витёк протянул руку и случайно коснулся мерцающего шара. В тот же момент что-то невероятно сильное сжало его в точку и швырнуло прочь, в холодную бездну. Последнее, что он заметил, это был прозрачный лик луны в бледно-оранжевом небе, напоминающий череп, застывший в вечном оскале.

Очнулся Витёк в подвале, лежащим на тюке грязного белья, и не сразу понял, что угроза стерилизации осталась где-то далеко. Отчаянно билось сердце, голова была мокрой от пота, хотелось пить. Он дрожащими руками открыл пластиковую бутылку с водой и жадно припал к ней, не обращая внимания на струйки, стекающие по подбородку. Постепенно мысли пришли в норму, Витёк успокоился, но до утра так и не смог больше уснуть. Подвал он покинул раньше обычного, чем сильно удивил брата.

По стечению обстоятельств Витёк несколько дней отсутствовал, чему был даже рад, но затем неожиданно грянул небывалый для этих мест мороз, когда температура воздуха опустилась ниже тридцати пяти градусов, и он снова был вынужден обратиться за помощью к брату. Единственная комната в подвале, где можно было переночевать, оказалась всё той же постирочной. Деваться было некуда, и Витёк с книгой в руках расположился на одном и тюков с грязным бельём.

Помня прошлую ночь, проведённую здесь, он старался не спать как можно дольше. Какое-то время ему это удавалось, но к трём часам ночи незаметно для себя Витёк всё же уснул. Сон его длился недолго. Вскоре он снова обнаружил себя бодрствующим на каменной площадке, которая оказалась чем-то вроде веранды. Позади виднелись дверь, слабо освещённое окно, уходящая ввысь стена какого-то здания. Время суток оказалось не таким как в прошлый раз. Стояла ночь, звёзды усеяли небо. Витёк ещё со школы интересовался астрономией, хорошо знал карту звёздного неба, но сейчас не смог обнаружить ни одно знакомое созвездие. Похожим было лишь переливающееся бриллиантовым блеском веретено Млечного Пути.

Он подошёл к окну и осторожно заглянул внутрь. Там за столом сидел тот самый местный житель, который в прошлый раз задал ему всего лишь один вопрос: «Кто ты?». Витёк хорошо запомнил тогда характерный шрам в форме полумесяца на его правой щеке. Это точно был он, только на его голове отсутствовал головной убор в форме небольшой изящной короны. Тогда он почему-то решил, что это существо представляет власть в этом месте и назвал его Главным.

Тот работал с чем-то, что напоминало аналог земного ноутбука, только клавиатура и экран казались сотканными из света и висели в воздухе.

«Голограмма», — мелькнула мысль. Справа на столе стоял на треноге тот самый хрустальный шар, который был тогда у Главного в руках. Внезапно шар издал короткую голубоватую вспышку. Главный оторвался от своей работы и взглянул на шар, а вслед за тем его взгляд переместился в сторону окна, и Витёк понял, что хозяин кабинета знает о его присутствии.

А дальше случилось то, что Витёк никак не ожидал от себя. Он толкнул дверь, и она легко отворилась. Витёк, действуя словно сомнамбула, быстро вошёл внутрь, подошёл к столу и прикоснулся к пульсирующему хрустальному шару. И как в прошлый раз он ощутил себя ничтожно малой точкой, которую мощная сила мгновенно перенесла сквозь холодное пространство и швырнула на тюк с бельём в подвале торгово-развлекательного комплекса.

Ощущения были те же, что и в прошлый раз. Преобладающим из всего переплетения чувств было ощущение животного страха. Витёк всю ночь провёл у двери постирочной, первым покинул это проклятое здание, и дал себе слово никогда больше не заходить внутрь даже при угрозе замёрзнуть где-то в подворотне.

Откуда ему было знать, что во время рытья котлована под фундамент была обнаружена хорошо сохранившаяся каменная кладка старой работы. Это

была подвальная часть здания ещё екатерининской постройки. Кладка проходила как раз на границе подвала нового здания и, по сути, выполняла роль подпорной стенки. Строители торопились, и её было решено не трогать. Впритык уложили фундаментные блоки, и построили подвал, в котором комната постирочной оказалась рядом с этой замурованной кладкой. А за ней чудом сохранилась часть подвала старого дома. В небольшом пространстве на покосившихся полках видны были покрытые пылью книги, кастрюли, какие-то банки. На полу среди рухляди в полуразломанном посылочном ящике тускло блестели ёлочные игрушки, а рядом с ним на треноге стояло нечто, похожее на хрустальный шар в тонкой бронзовой арматуре. От него исходило неяркое голубоватое свечение, освещающее этот осколок давно ушедшего мира.

г. Днепр, 09 мая 2017 года.

ДАМА В ШЛЯПКЕ С ВУАЛЬЮ

*«И всюду страсти
роковые,
И от судеб*